LL 435/208

И 435/208

ЕСТЕСТВЕННОЕ

НРАВОУЧЕНІЕ.

ОБЪ

ОБЯЗАННОСТЯХЪ

КЪ

Б Л И Ж Н Е М У.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1838.

Печатать позволяется,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ, 27-го Іюля 1835 года.

Цензоръ А. Никитенко.

Государственная ордена Ленина библиотека СССР им. В. И. Ленина
71137-46

Въ типографіи П. Гнѣча.

2007113169

ЕСТЕСТВЕННОЕ
ПРАВОУЧЕНІЕ.

ОБЪ ОБЯЗАННОСТЯХЪ КЪ БЛИЖНЕМУ.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

Общія обязанности къ ближнимъ.

§ 1.

О любви къ ближнему вообще.

Люди только съ помощію другъ другу могутъ достигнуть нравственнаго своего назначенія; посему самая ихъ природа, ихъ нужда требуютъ, чтобы они взаимно содѣйствовали другъ другу во всемъ добромъ и дѣлали другъ друга участниками пріобрѣтенныхъ благъ. Такой образъ дѣйствія называется *любовію къ ближнимъ*, которая есть *доброжелательство къ другимъ, соединенное съ уваженіемъ, чистыми намѣреніями и дѣятельнымъ*

участіемъ въ ихъ судьбѣ. Кто полонъ этой любви и дѣйствуетъ по ея внушенію, тотъ пріобрѣтаетъ прекрасное названіе *друга человѣчества.* Мы считаемъ здѣсь нужнымъ говорить *о важности и источникахъ* этой добродѣтели и о *препятствіяхъ*, ею встрѣчаемыхъ.

Человѣкъ, рождаясь на свѣтъ, нуждается въ помощи другихъ болѣе всякаго другаго существа въ природѣ; возвышенность и уничиженіе ни въ одной земной твари не соединены такъ, какъ въ человѣкѣ; онъ можетъ возрости только подъ заботливымъ надзоромъ любви, которая сообщила ему внѣшнюю жизнь и ввела его въ свѣтъ. Въ самомъ началѣ онъ сознаетъ въ себѣ питомца любви; въ этомъ сознаніи онъ находитъ Бога, своего чадолюбиваго, высочайшаго благодѣтеля, подающаго ему всѣ блага жизни; любовь къ общежительности и благодарность соединяютъ его съ подобными ему существами, которыя должны заботиться объ его образованіи и счастіи; онъ не *можетъ* жить безъ нихъ, ибо кругъ его духовной и плѣсной дѣятельности со всѣхъ сторонъ ограниченъ ихъ кругомъ; онъ *не долженъ* жить безъ нихъ, ибо ихъ общее усовершенствованіе и счастіе зависятъ отъ любви и взаимнаго вспомоществованія, и если онъ понялъ себя, то *дѣйствительно*

будетъ жить съ ними, ибо, не имѣя кому сообщить своихъ мыслей, совершенствъ и радостей, онъ будетъ жалкимъ и несчастнымъ. Любить себя въ Богѣ и вмѣстѣ съ нѣмъ вводить всякое полученное отъ него благо въ жизнь людей, есть христіанская заповѣдь, совершенно согласная съ природою и разумомъ; она, превращаясь въ любовь, дѣлается живымъ началомъ всѣхъ обязанностей къ ближнему. Эта любовь состоитъ изъ чувства *доброжелательства*, которое мы отъ себя переносимъ на другихъ. Такъ дитя радостно улыбается на груди матери, но еще радостнѣе, когда оно видитъ въ зеркалѣ, или въ чистомъ источникѣ свой собственный образъ. Отъ природы мы сами себѣ болѣе нравимся, нежели другіе; даже самые безобразнѣйшіе умѣютъ утѣшать себя, сравнивая свое безобразіе съ безобразіемъ другихъ, и, если они иногда не имѣютъ никакого средства къ утѣшенію, по очевидности безобразія, то стараются пособить себѣ благодѣтельнымъ забвеніемъ своего образа. Къ нему присоединяется чувство *склонности*, которое отъ насъ переходитъ на другихъ. Дитя все, что нравится ему, хватаетъ съ жадностію и подноситъ ко рту; оно хочетъ усвоить себѣ все, что какою нибудь прелестью возбуждаетъ въ немъ желанія. Отсюда происходитъ, что мы оказываемъ ласки любимому предмету и прижимаемъ его въ своихъ объятіяхъ; наше должно принадлежать ему, и его должно быть нашимъ; даже самая

личность любимаго предмета была бы поглощена увлекающею силою этого естественнаго влеченія, если бы ея не защищала пробуждающаяся самостоятельность сознанія. Почему чувственная любовь къ другимъ умѣряется чувствомъ *уваженія*, которое рождается изъ представленія нравственной свободы другихъ, не зависящей отъ нашего произвола, и которое позволяетъ намъ въ такой только степени обнаруживать склонность къ другимъ, въ какой это не противно совершенству и счастію любимаго и любящаго. Отсюда ясно, что истинная любовь къ людямъ должна быть

1) *Исполненнымъ уваженія доброжелательствомъ.* Та же самая заповѣдь, которая велитъ мнѣ стремиться къ моему облагороженію и счастію, предписана также и другимъ. Каждый человѣкъ обязанъ свободнымъ мышленіемъ, желаніемъ и дѣйствіями, повинуясь Богу и законамъ Его Царствія, осуществить въ своей жизни высочайшее благо. Слѣдовательно мое доброжелательство къ ближнему должно быть совершенно равно доброжелательству къ самому себѣ; оно должно простираться на все его бытіе; я не долженъ оказывать ему благодѣяній, благопріятныхъ для его тѣла, но вредныхъ для его духа и добродѣтели; я не долженъ сулить ему матеріяльныхъ выгодъ, требуя подъ залогъ его свободу, права и добродѣтель; я не могу назвать себя благодѣтелемъ, если я покровительствую другому,

и вмѣстѣ съ тѣмъ совращаю его съ истиннаго пути, развращаю своимъ обхожденіемъ и худымъ примѣромъ. Любовь къ людямъ не можетъ назваться чистою и благородною, если она *не основана на строгой справедливости* къ намъ самимъ и къ другимъ. Посему-то она должна быть

2) *Непосредственнымъ доброжелательствомъ къ другимъ*, но такимъ доброжелательствомъ, въ которомъ бы самолюбіе совершенно подчинялось любви къ другимъ. Мы всегда сами возрощаемъ лучшіе и прекраснѣйшіе плоды, происходящіе отъ добродѣтели; посему и любовь къ ближнему, соединенная съ самоотверженіемъ, должна когда нибудь сдѣлаться для насъ плодотворною и спасительною. Но совершенно несправедливо поступаетъ вельможа, когда онъ устраняетъ людей достойныхъ отъ приличныхъ имъ мѣстъ, и возвышаетъ своихъ любимцевъ, потому только, что они находятся подъ его покровительствомъ; да и въ отношеніи къ любимцамъ его, это благодѣяніе не есть дѣйствіе любви къ ближнему, ибо здѣсь является только стараніе показать всю важность и силу своего покровительства, и слѣдовательно, благодѣтельствующій собственно стремится только къ удовлетворенію своего честолюбія. Это же самое можно замѣтить въ большей части нашихъ поступковъ, носящихъ на себѣ признакъ доброжелательства и любви къ человѣ-

честву; мы бываемъ благодѣтельными изъ честолюбія, услужливыми изъ своекорыстія, и проливаемъ горькія слезы надъ умирающимъ другомъ, потому только, что онъ напоминаетъ намъ о собственной нашей смерти. Это дѣйствіе нельзя назвать добродѣтелію; это блестящіе грѣхи, ибо они только блестятъ доброжелательствомъ къ другимъ, а на самомъ дѣлѣ происходятъ отъ нашего самолюбія. Самолюбіе никогда не должно быть выше любви къ ближнему; мы должны забывать себя для блага другихъ, и въ этомъ состоитъ существенный признакъ истинной любви къ другимъ.

3) Наконецъ доброжелательство къ другимъ должно быть соединено *съ чистотою намѣреній* и *усердною дѣятельностію*. Намѣреніе наше бываетъ чистымъ:

а) Когда *доброжелательство безкорыстно* и *всеобще*. *Безкорыстіе* требуетъ, чтобъ наше самолюбіе подчинялось любви къ другимъ, чтобъ наше доброжелательство къ нимъ было свободно отъ всякаго эгоизма. *Всеобщность* доброжелательства относится къ лицамъ, коимъ мы желаемъ добра, и къ предметамъ, посредствомъ коихъ мы хотимъ оказать другому благодѣяніе. По отношенію *къ лицамъ*, чувство благорасположенія должно простираться на всѣхъ людей, безъ различія ихъ состоянія, религіи или отечества; оно должно простираться даже на враговъ нашихъ. Наше сердце довольно обширно

для того, чтобы вмѣстить доброжелательство ко всему роду человѣческому; даже грѣшники и порочные имѣютъ право на нашу помощь и призрѣніе; *малѣйшее исключеніе изъ сего правила, происходящее отъ предразсудка, достаточно для того*, чтобы уменьшить достоинство нашей любви къ другимъ, и малѣйшее исключеніе, имѣющее источникомъ злобу, или мщеніе, лишаетъ эту любовь всякаго достоинства. *Предметъ*, или матерія, которую употребляетъ доброжелательство въ своихъ благодѣяніяхъ, состоитъ не въ однихъ только внѣшнихъ благахъ, удовлетворяющихъ тѣлеснымъ нуждамъ страдальца; ибо этими благами часто жертвуютъ также мытари и блудницы. Напротивъ, чистое доброжелательство простирается на всѣ блага жизни, какъ на духовныя, такъ и на тѣлесныя. Облагороженіе людей посредствомъ мудраго наставленія должно считать выше услужливости, услужливость выше кротости и щедрости, а великодушное защищеніе права и невинности, выше всѣхъ наименованныхъ нами добродѣтелей. Посему чистая любовь къ человѣчеству есть добродѣтель, которую можетъ исполнять весь родъ человѣческій; бѣдный и богатый, простой и знатный — всѣ имѣютъ сколько нибудь силъ, талантовъ и другихъ средствъ, съ помощію коихъ они могутъ найти случай порадовать другихъ, если только имѣютъ доброжелательное сердце. Но наши человѣколюбивыя намѣренія должны быть такъ живы, чтобы

b) Превращались въ *полезную дѣятельность*, гдѣ это бываетъ нужно. Любишь весь міръ и не обнаруживаешь любви своей въ поступкахъ, не составляетъ еще заслуги; ибо это можно дѣлать безъ малѣйшаго насилія нашимъ склонностямъ и безъ всякаго пожертвованія со стороны нашего эгоизма. Итакъ, при тѣсной связи разума и воли, главное состоитъ въ томъ, чтобы наше доброжелательство и тогда оставалось въ насъ господствующимъ, когда кто нибудь нуждается въ нашей помощи и требуетъ, чтобы мы оказали нашу любовь въ поступкахъ. Только тотъ можетъ назваться истиннымъ другомъ человѣчества, кто всегда помогаетъ въ настоящей нуждѣ. Но какую нужду должно считать настоящею, необходимо обязывающею насъ къ вспомоществованію? Траписты, оказывающіе столько любви и участія къ человѣчеству внѣ своего ордена, положили себѣ закономъ никого изъ своихъ собратій не любить болѣе другихъ и ко всѣмъ оказывать равную любовь. Кто отъ своего собрата будетъ предпочтенъ другимъ, или узнаетъ особенную склонность къ себѣ, или дружбу: тотъ обязанъ торжественно жаловаться на это, и оказавшій ему предпочтеніе долженъ подвергнуться опредѣленному церковному наказанію (Mémoires de Mad. de Genlis. Paris, 1825. t. III, p. 225). Это монастырское правило имѣло основаніемъ своимъ строгую дисциплину; оно не только можетъ подвергнуть невиннаго наказанію, но даже лѣ-

лаетъ невозможнымъ обнаруженіе любви къ ближнимъ; ибо многіе изъ нашихъ ближнихъ не одинаковую имѣютъ нужду и неравно достойны нашей помощи, и другъ человѣчества, при равномъ доброжелательствѣ ко всѣмъ, никогда не можетъ выйти изъ филантропическаго своего равновѣсія и слѣдовательно никогда не рѣшится обнаруживать свою любовь въ поступкахъ. Настоящая, обязывающая насъ къ заступленію, нужда другихъ есть та, которая ближайшимъ образомъ касается круга моей дѣятельности; которую я могу устранить своимъ наставленіемъ, ученіемъ, вспомоществованіемъ и снисходительностію; такая нужда, за которую будетъ упрекать меня совѣсть, если я не буду стараться объ устраненіи оной. Провидѣніе каждому доставляетъ случай къ обнаруженію любви къ ближнему, почти такъ, какъ оно назначаетъ каждому нравственный урочный трудъ. Сообразность братской любви къ ближнимъ съ нашими обязанностями, можно легко вывести изъ разсужденій о высшемъ благѣ и спеченіи противоположныхъ обязанностей.

Важность представленнаго нами ученія явствуетъ изъ того, что безъ него мы не можемъ достигнуть высшей цѣли общественной жизни, — именно, не можемъ быть добродѣтельными къ нашимъ ближнимъ до того, чтобы ихъ счастіе считать нашимъ собственнымъ. Важность этого ученія явствуетъ изъ высочайшей заповѣди, предписанной христіанскимъ ученіемъ,

считающимъ добродѣтелію только такую любовь, которая, относясь къ Богу, простирается потомъ на насъ самихъ и на другихъ людей, какъ членовъ одного семейства; эта важность явствуетъ также изъ *возвышенности* любви къ человѣчеству, изъ того, какъ *рѣдко* мы встрѣчаемъ ее въ истинномъ видѣ между людьми, и какое *обильное счастіе* доставляетъ чистое человѣколюбіе семействамъ, народамъ и царствамъ. Безпрерывно возрастающее образованіе въ наше время тогда только будетъ способствовать счастію человѣчества, когда оно будетъ облагорожено любовію. Почему правоучитель долженъ искать *источниковъ* этой любви въ разумѣ, обуздывающемъ страсти посредствомъ закона свободы и дѣлающемъ правоту основаніемъ этой добродѣтели; онъ долженъ искать ея источниковъ *въ сердцѣ*, которое есть собственно обиталище благородныхъ желаній; въ христіанской религіи, примѣрами и ученіемъ внушающей непоколебимую любовь и побуждающей насъ къ состраданію и самопожертвованіямъ; въ примѣрахъ *величія души* Тита, Антониновъ, Фенелона и другихъ великодушныхъ мужей, принадлежавшихъ разнымъ странамъ и народамъ. Тѣмъ нужнѣе сіи побужденія, что любовь къ ближнему вездѣ встрѣчаетъ препятствія, не только въ *невѣжествѣ*, которое среди чувственныхъ наслажденій и разсѣянности никогда не можетъ возвыситься до познанія высшихъ благъ жизни; но также и въ *лѣности*, которая ничего

не имѣетъ, ничего не пріобрѣтаетъ, и слѣдовательно, другимъ ничего дать не можетъ; въ *корыстолюбіи*, которое хотя пріобрѣтаетъ, но по своей скупости стремится къ исключительному обладанію, многое портитъ и истребляетъ; въ *сантиментальности*, которая утопаетъ въ нѣжнѣйшихъ чувствованіяхъ сострадания, но никогда не можетъ возвыситься до полезной дѣятельности; въ *ложной любви* и *сострадательности*, которая оказываетъ другимъ благодѣянія, но излишними и безвременными дарами портитъ человѣка и подавляетъ его собственную дѣятельность и совершенство.

Гердера: Christliche Schriften. Th. III, S. 250. ff.

Мора: Verlesungen über die theologische Moral. B. III. Leipzig, 1795. S. I. ff. Целлькопфера: über den Werth der Empfindsamkeit, въ его: Predd. über die würde des menschen. Leipzig, 1784. B. I, S. 255. ff. Рейнгарда: Predd. vom f. 1800. B. I, S. 210. ff., гдѣ показывается, какъ иногда много значитъ удерживать порывы христіанской любви къ ближнимъ.

§ 2.

Человѣколюбіе и человѣконенавидѣніе.

Любовь къ людямъ должна быть безкорыстною, мудрою, религіозною и постоянною; этими качествами измѣ-

ряется достоинство человѣколюбія. Этихъ качествъ требуетъ истинная нравственность и божественное міроправленіе. Въ противоположности съ этою всеобщею добродѣтелію находится *человѣконенавидѣніе*, которое должно отличать отъ *удаленія отъ свѣта* и *отвращенія къ людямъ*; оно скоро превращается въ злобу ко всему роду человѣческому.

Теперь весьма легко доказать, какія существенныя *свойства* требуются для истинной любви къ ближнему. Она должна быть:

1) *Безкорыстною*, или должна проистекать изъ чистаго, доброжелательнаго духа. Какъ самостоятельность разума въ стремленіи къ истинѣ не можетъ быть объяснена никакимъ высшимъ закономъ; такъ и желаніе добра и склонность удѣлять его другимъ не подлежитъ никакому дальнѣйшему объясненію; оно есть естественная доброта сердца, на которой основывается благородство человѣка. Изъ этого свободнаго и самостоятельнаго доброжелательства, которое само для себя служитъ высшимъ правиломъ, должна проистекать истинная любовь къ ближнимъ, а не изъ случайныхъ видовъ и расчетовъ старающейся выказать себя благонравительности; ибо въ такомъ только слу-

чая любовь наша будетъ *безконечна*, какъ идеалъ, *всеобща*, какъ любовь Самаряпина, (Лук. X. 33. ff.) и *чиста*, какъ братская любовь благочестиваго Христіанина (Рим. XII. 10). Любовь къ ближнему должна быть также:

2) *Благоразумною*, или она должна быть направлена къ истинному благу другихъ. Тотъ не другъ человѣчества, кто голодному даетъ совыть вмѣсто хлѣба, или на оборотъ. Истинный другъ человѣчества долженъ стараться оказать несчастному рѣшительную помощь, долженъ уничтожить его бѣдствіе въ самомъ источникѣ. и если онъ этого сдѣлать не можетъ, то по крайней мѣрѣ онъ будетъ такую оказывать помощь, которая можетъ принести существенную пользу. Истинная любовь къ ближнему должна быть также

3) *Религіозною*, т. е. она должна быть основана на благородной любви къ Богу. Богъ есть нашъ общій отецъ; посему мы всѣ братья и члены великаго семейства. И такъ въ благоговѣніи любви и благодарности къ Богу, любовь къ ближнимъ имѣетъ свое твердое основаніе и незыблемую опору. Невозможно почитать Бога и отца своего и вмѣстѣ съ тѣмъ не помогать брату, котораго Богъ хочетъ видѣть совершеннымъ и счастливымъ. Наконецъ благородная любовь къ ближнему должна быть

4) *Постоянна*, т. е. она не должна ослабѣвать ни отъ тяжести, которую мы чувствуемъ, оказывая благодѣяніе и услуги, ни отъ благо-

дарности. Ибо какъ глупость и непостоянство людей не могутъ уменьшить во мнѣ благоразумія и добродѣтели; такъ точно ихъ несовершенство не можетъ воспрепятствовать мнѣ стараться о ихъ добродѣтели. Даже врагамъ мы должны благодѣтельствовать, не для того, чтобы ихъ пристыдить, но чтобы тронуть ихъ, разрушить ихъ ослѣпленіе, размягчить ихъ загрубѣлое сердце и направить опять на путь, сообразный съ ихъ назначеніемъ.

Основаніе, почему мы должны признавать обязанностію вышеописанный нами образъ дѣйствованія, заключается частію въ свойствѣ самой *нравственной доброты*, которая, подобно живительной теплотѣ свѣта, расширяетъ сердце и дѣлаетъ его склоннымъ къ сообщенію другимъ всего добраго, тогда какъ напротивъ самолюбіе, судорожно сжимая сердце, какъ бы замыкаетъ его для всякаго соучастія; частію въ неизмѣримой глубинѣ *любви Божіей*, по коей Творецъ осыпаетъ насъ своими благодѣяніями, изъ одной благости призываетъ насъ къ себѣ и возбуждаетъ въ нашемъ сердцѣ живительную силу любви.

Въ прямой противуположности съ представленною нами добродѣтелію находится *ненависть къ людямъ*, отъ которой строго должно отличать *отвращеніе къ людямъ*. Отвращеніе къ людямъ есть болѣзненное состояніе духа, находясь въ которомъ, человѣкъ старается избѣгать всякаго обращенія съ людьми. Оно происходитъ

или отъ *болѣзненнаго ипохондрическаго состоянія*, или отъ *воспитанія*, когда окружаютъ дѣтей одними прислужниками и забавниками; или отъ *ложнаго честолюбія*, по которому человѣкъ хочетъ казаться исполненнымъ совершенствъ, но не могши сдѣлать этого, по недостатку образованія, по непривычкѣ къ свободному и приличному обращенію, лучше рѣшается не вступать въ связь съ людьми, нежели показать свои несовершенства. Всѣ сіи недостатки не составляютъ ближайшаго предмета нравственности; ибо они могутъ быть и у людей съ добродѣтельнымъ, человѣколюбивымъ сердцемъ, и часто исчезаютъ совершенно вмѣстѣ съ возрастающею самоувѣренностію. Если мы удаляемся людей, потому что они не соотвѣтствуютъ нашимъ идеаламъ нравственнаго совершенства, или потому что мы были ими обмануты, обижены или оскорблены; то и тогда наше удаленіе отъ людей достойно порицанія. Ибо такого рода поведеніе, будетъ ли оно происходить отъ излишней взыскательности, или отъ большой чувствительности, или отъ гордости и недостатка въ познаніи себя, производитъ сначала равнодушіе къ другимъ, потомъ презрѣніе и наконецъ дѣйствительную ненависть къ людямъ. Бываютъ разные роды ненависти къ людямъ, именно: ненависть, происходящая *отъ дурнаго расположенія духа*, когда мы въ минуту неудовольствія проклинаемъ весь родъ человѣческій; ненависть, происходящая *отъ любви къ самимъ себѣ*, когда

мы, считая другихъ средствомъ къ достиженію своихъ цѣлей, жертвуемъ ими своимъ видамъ; ненависть, имѣющая источникомъ *жестокосердіе* и *тиранство*, когда мы приносимъ въ жертву бурныхъ страстей счастіе и жизнь цѣлыхъ семействъ, народовъ и поколѣній (Силла, Тиберій, Неронъ, Тамерланъ); ненависть, происходящая *отъ фанатизма*, въ которой человѣкъ одну только свою вѣру считаетъ истинною; и наконецъ ненависть, происходящая отъ *злобнаго несчастія*, когда кто, подобно діяволу, старается обманомъ и хитростями развращать тварей Божіихъ и все увлекать съ собою въ бездну пороковъ. *Luciani* Timon, vel misanthropos, opp. ed. Bip. t. I, p. 71. ff. *Kanta:* Kritik der Urtheilskraft. Zweite Auslage. Berlin, 1793. S. 126. ff.

§ 3.

О гнѣвѣ.

Отъ ненависти къ людямъ надобно еще отличать *гнѣвъ*. Правоучители различно опредѣляютъ его, хотя всѣ они должны согласиться въ томъ, что онъ есть возбужденное негодованіе, имѣющее цѣлію отвращеніе какого либо зла. Они допускаютъ такъ же разныя степени гнѣва, начиная отъ досады до бѣшенства; но не дѣлаютъ

никакого различія между позволеннымъ и непозволеннымъ гнѣвомъ. По крайней мѣрѣ въ древнія времена славнѣйшіе правоучители охуждали всякій гнѣвъ, какъ сильную страсть, которая обезображиваетъ человѣка и ведетъ къ безразсуднымъ поступкамъ; люди благородные стараются подавлять сію страсть. Но гнѣвъ можетъ быть обнаруженіемъ справедливаго негодованія, сообразнаго съ разумомъ; онъ справедливо можетъ быть раздѣленъ на благоразумный и безразсудный; первый не уничтожаетъ свободнаго сознанія, а второй совершенно помрачаетъ оное; тотъ ограничивается отвращеніемъ зла и оскорбленія, а этотъ превращается въ ненависть, злобу, бѣшенство и мстительность.

Замѣчательно, что гнѣвъ съ давнихъ временъ опредѣляли и объясняли различнымъ образомъ, хотя онъ, какъ ненависть, довольно уже объясняется противоположностію любви. Аристотель противуполагаетъ его кротости (πρᾳότης), которую онъ называетъ посредницею между движеніями души, показывающими негодованіе (μεσότης περὶ ὀργάς). Изъ этого видно, что

по мнѣнію Аристотеля кротость стремится къ обузданію гнѣва (πρὸς ἔλλειψιν ἀπειλήκυια); а гнѣвъ онъ считаетъ желаніемъ мстить за причиненное намъ неудовольствіе. Потому онъ совсѣмъ не осуждаетъ гнѣва; а напротивъ говоритъ, что тотъ имѣетъ низкую душу, кто можетъ сносить равнодушно всякое оскорбленіе. Однако жъ онъ дѣлаетъ различіе между вспыльчивымъ (ὀργίλος), бѣшенымъ (ἀκρόχολος) и неукротимымъ гнѣвомъ (πικρὸς), и считаетъ эту страсть предосудительною только тогда, когда она овладѣваетъ всѣми силами души (ὀργιλότης, iracundia). (Ethicorum ad Nicomachum l. IV. c. II.). Напротивъ Стоикъ Стобей безусловно называетъ гнѣвъ преобладающею страстію (ὁρμὴ πλεοναζουσα) и помраченіемъ самосознанія (πτοία); считаетъ его желаніемъ наказать того, кто несправедливо оскорбилъ насъ, и признаетъ несообразнымъ съ достоинствомъ мудраго. (Онъ исчисляетъ такъ же степени силы и способы обнаруженія этой страсти. Eclogar. t. II. c. 7 ed. Heren. p. 166). Того же мнѣнія и Сенека, который посвятилъ сему предмету особенное прекрасное сочиненіе (de ira, libri III) и считаетъ гнѣвъ сильнымъ, или страстнымъ желаніемъ наказать оскорбителя (cupiditas poenae exigendae). Прежде него Цицеронъ называлъ гнѣвъ страстію мстить (libido ulciscendi); между тѣмъ Лактанцій, не соглашающійся ни съ однимъ изъ сихъ опредѣленій, видитъ въ этой страсти движеніе духа, возстающаго про-

нпву грѣховъ (motus animi ad cöercenda peccata insurgens. De ira Dei c. V). Кантъ справедливѣе называетъ гнѣвъ нѣкоторымъ порывомъ, изъявить справедливое негодованіе (eine gewisse Lebhaftigkeit seinen ernsten Unwillen zu bezeigen. Anthropologie, S. 213); ибо мы гнѣваемся не только на оскорбленія, но такъ же на несчастія, случающіяся съ нами; не только на людей, но на животныхъ и на вещи; нерѣдко мы гнѣваемся даже на себя самихъ, частію по нравственнымъ причинамъ, когда поступаемъ опрометчиво и безразсудно, частію по физическимъ поводамъ. Слѣдовательно гнѣвъ есть движеніе духа, произведенное причиненнымъ намъ зломъ и имѣющее цѣлію отвращеніе онаго. Всякій гнѣвъ происходитъ отъ непріятнаго представленія, предметъ коего можетъ быть умственный, нравственный и эстетическій; это представленіе возбуждаетъ непріятное чувствованіе, которое дѣйствіемъ желчи увеличивается. Отсюда происходитъ желаніе отдалить предметъ, производящій это непріятное ощущеніе; цѣль его есть отвращеніе зла, защищеніе себя отъ вліянія онаго и сохраненіе своего благосостоянія. По благодѣтельному природному постановленію и самые скоты обнаруживаютъ гнѣвъ и притомъ въ высшей степени, особенно тогда, когда опасность угрожаетъ ихъ добычѣ, жизни, или дѣтямъ. Изъ этого объясненія видно, что сіе движеніе души, сообразное съ нашею природою, должно имѣть многія степени. Пер-

*

вая степень есть *неудовольствіе*, происходящее отъ худаго расположенія духа; потомъ слѣдуетъ *раздражительность*, когда человѣкъ ищетъ только повода обнаружить свой несносный характеръ; за тѣмъ слѣдуютъ *досада, негодованіе, вспыльчивость, подавленный гнѣвъ* (который у женщинъ, такъ же и у всякаго слабаго въ борьбѣ съ сильнымъ, или со страхомъ, обнаруживается въ слезахъ, рыданіяхъ и судорожныхъ движеніяхъ), *запальчивость, ненависть, злоба, мстительность, буйство, неистовство* и наконецъ совершенное *бѣшенство*. При семъ естественно рождается вопросъ: бываетъ ли гнѣвъ когда либо позволителенъ и сообразенъ съ разумомъ, или его должно считать безусловно непозволительнымъ и безнравственнымъ. Стоики и ригористы сильно спараются защитить послѣднее мнѣніе, поелику всякій гнѣвъ:

1) Есть страсть, заглушающая разсудокъ и лишающая насъ свободы воли. Аристотель совсѣмъ несправедливо говоритъ, что гнѣвъ воодушевляетъ человѣка и что онъ полезенъ болѣе солдату, нежели полководцу. Ибо ежели эта страсть повинуется разсудку, то ее уже нельзя назвать гнѣвомъ, потому что съ симъ послѣднимъ всегда бываетъ соединено неповиновеніе разсудку. Если же она противорѣчитъ разуму, то вредна и для солдата, когда, воодушевленный ею, онъ не повинуется приказанію отступить.

2) Кромѣ того гнѣвъ обезображиваетъ чело-

вѣка и отнимаетъ даже во внѣшнемъ его видѣ выраженіе нравственнаго достоинства. »Какъ бѣшенаго легко узнать по его дерзкому, грозному взору, по его мрачному челу, по обезображенному лицу, по скорой походкѣ, по движенію рукъ, по быстрой перемѣнѣ цвѣта лица и по глубокимъ вздохамъ; такъ, по подобнымъ же признакамъ, легко узнать воспламененнаго гнѣвомъ. Трудно рѣшить, чего болѣе этотъ порокъ заслуживаетъ, презрѣнія, или ненависти.« Сенека, Сар. I.

3) Нѣтъ ни одного порока столь гибельнаго для человѣчества, какъ гнѣвъ. »Смерть и ядъ, разореніе городовъ, гибель цѣлыхъ народовъ, низверженіе царей, опустошеніе провинцій огнемъ и мечемъ — суть его дѣла. Видите ли славнѣйшіе города древности въ развалинахъ? Они разрушены гнѣвомъ. Смотрите, вотъ цѣлыя страны превращены въ пустыни; ихъ опустошилъ гнѣвъ человѣка; одного онъ умерщвляетъ на ложѣ, другаго за гостепріимнымъ столомъ; здѣсь вооружаетъ сына противъ отца, тамъ раба противъ господина, или на крестѣ раздробляетъ кости невиннаго.« Онъ же, С. 2.

4) Люди благороднѣйшіе въ припадкѣ гнѣва всегда воздерживались отъ дѣйствованія. Платонъ не хотѣлъ наказывать слуги своего, потому что онъ былъ разгнѣванъ; а Архитъ Тарентскій шадилъ нерадиваго управителя своихъ помѣстьевъ, поелику считалъ недостойнымъ, въ гнѣвѣ и справедливомъ негодованіи,

исполнять должность палача. (Valerius Maximus dict. fact. l. IV, c. 1). Такъ и Цицеронъ увѣщеваетъ брата своего Квинта не говорить, ни дѣлать ничего во гнѣвѣ, потому что нѣтъ ничего неприличнѣе и отвратительнѣе, какъ съ высочайшею властію соединять жестокость необразованности. (Nil est tam deforme, quam ad summum imperium acerbitatem naturae adjungere. Epist. ad Quintum fratrem, l. I, ep. 1).

Съ другой стороны представляются слѣдующія, совершенно противныя вышеприведеннымъ, причины:

1) Гнѣвъ безъ сомнѣнія достоинъ порицанія какъ страсть, но не какъ побужденіе, направляющее волю (incitamentum voluntatis); поелику въ сей степени онъ не уничтожаетъ свободнаго сознанія, точно такъ же, какъ не уничтожаютъ онаго благорасположенность, любовь, радость и надежда. Всѣ нравоучители согласны въ томъ, что нужно умѣрять гнѣвъ; но и обузданный разсудкомъ, онъ все таки оспается гнѣвомъ, точно такъ же, какъ умѣренная радость и любовь не перестаютъ быть любовью и радостію. Кто хочетъ вовсе искоренить изъ человѣческаго сердца его естественныя побужденія, кто хочетъ совершенно уничтожить ихъ; тотъ лишаетъ человѣка условій и средствъ жизни.

2) Не гнѣвъ, умѣренный разсудкомъ, но гнѣвъ необузданный и бѣшеный обезображиваетъ человѣка. Разсудительное негодованіе и живая раз-

дражительность воли противъ золъ и опасностей, противъ заблужденій и несправедливостей, даютъ напротивъ человѣку выраженіе величія и достоинства, которое заставляетъ уважать его. Благородное негодованіе, глубоко потрясшее души Римлянъ, проведенныхъ подъ Каудинское иго, сообщило имъ мужество, которое загладило потомъ потерпѣнное ими униженіе.

3) Правда, что во гнѣвѣ совершены великія преступленія; но онъ такъ же воодушевлялъ иногда благороднѣйшихъ изъ людей къ великимъ подвигамъ и добродѣтелямъ. Неужели мы должны вовсе отказаться отъ употребленія огня, потому что онъ обратилъ въ пепелъ многіе города; или не отверзать своего сердца для любви, потому что она легко превращается въ низкое сладострастіе? Всѣ безпорядки и злоупотребленія напоминаютъ только о порядкѣ и правильномъ употребленіи; кто не умѣетъ правильно пользоваться своимъ гнѣвомъ, тотъ дѣлаетъ зло. »Представьте себѣ государя безъ гнѣва, говоритъ Лактанцій: ему никто не будетъ повиноваться, и даже его низвергнутъ съ трона; отнимите у простолюдина эту страсть, и всякій будетъ смѣяться надъ нимъ, обижать его и отнимать у него имущество; ни одно государство, ни семейство не можетъ существовать, ежели члены его не причастны будутъ этой страсти.« (De ira Dei, c. 23).

4) Если благородные люди спараются ни-

чего не предпринимать во гнѣвѣ; что это конечно должно почесть благоразумнымъ самогосподствованіемъ и полезною предосторожностію, которая избавляетъ отъ раскаянія въ опрометчивости, обыкновенно происходящей отъ страсти. Но они были бы еще совершеннѣе, если бы тотчасъ умѣряли гнѣвъ свой и вмѣсто всякой бездѣйственности старались въ точности исполнять то, что повелѣваютъ долгъ и мудрость. »Я похвалилъ бы Архита, говоритъ Лактанцій, если бы онъ скорѣе обуздалъ гнѣвъ свой и потомъ наказалъ нерадиваго управителя, какъ онъ того заслуживалъ. Потому что ежели бы онъ совсѣмъ не наказалъ его, то другіе слуги разсуждали бы такъ: никогда не будемъ дѣлать неважныхъ проступковъ, чтобы не быть строго наказанными; но ежели мы раздражимъ господина своего большимъ преступленіемъ, то можемъ быть безопасны отъ всякаго наказанія.» (Тамъ же, с. 18).

Послѣ всего этого, кажется, очевидна основательность раздѣленія гнѣва на *благоразумный*, или справедливый, и на *безразсудный*, или несправедливый. Въ семъ смыслѣ Григорій Нисскій считаетъ гнѣвъ позволительнымъ (*τὸ ἔυκαιρον τῆς τοῦ θυμοῦ χρήσεως.* Orat. 17, de beatitudinibus); Ѳеофилактъ говоритъ о благоразумномъ гнѣвѣ (*ὀργίζεσθαι ἐυλόγως*, ad Math. V. 22) и Златоустъ учитъ, что гнѣвъ не долженъ быть болѣзнію, или страстію, но средствомъ къ исцѣленію оныхъ (*παθῶν φάρμακον*, ad Psal-

mum IV. 5). Благоразумный гнѣвъ долженъ быть въ правильномъ отношеніи съ угрожающимъ зломъ, или съ нанесеннымъ оскорбленіемъ, чтобы мы, для собственнаго сохраненія и защиты, употребляли столько усилій, сколько требуетъ того цѣль, предписанная долгомъ. Это правильное отношеніе между гнѣвомъ и зломъ можетъ быть соблюдено только тогда, когда гнѣвъ не будетъ вредить свободному сознанію и слѣдовательно воображеніе не будетъ представлять душѣ ужасныхъ образовъ и чрезъ то возбуждать слѣпое, необузданное желаніе противодѣйствовать имъ. Когда Ксеркъ приказалъ сѣчь Геллеспонтъ и наложить на него оковы за то, что волны морскія разрушили его мостъ (Herodot. l. VII, c. 394. Wesseling.); то онъ показалъ только свое безуміе, которое можно объяснить однимъ буйствомъ необузданной страсти.

§ 4.

Предохранительныя средства отъ гнѣва.

Дабы удержать свой гнѣвъ, надлежитъ умѣрять раздражительность своего чувства, обуздывать негодованіе при самомъ первомъ его движеніи, не презирать ни себя, ни своего личнаго достоинства, надлежащимъ образомъ разсматривать нанесенное

оскорбленіе, вникая въ положеніе своего противника, обращаться къ самимъ себѣ, смотрѣть, не сами ли мы были причиною раздраженія, и благородное хладнокровіе укрѣплять въ душѣ своей мыслію о Богѣ и милосердомъ Его снисхожденіи къ нашимъ слабостямъ.

По причинѣ опасныхъ порывовъ гнѣва, коими увлекаются даже самые умные и благоразумнѣйшіе люди, *попеченіе о самообладаніи* составляетъ такой предметъ въ правоученіи, котораго никто не долженъ упускать изъ виду, кому дорого нравственное свое усовершенствованіе. Нѣкоторые правоучители предлагали для сей цѣли *физическія* средства: такъ изъ жизнеописаній нѣкоторыхъ оппидельниковъ извѣстно, что они, при первомъ порывѣ негодованія, стягивали чресла свои иглистыми поясами, чтобы такимъ образомъ чувство нанесеннаго оскорбленія подавить другимъ болѣзненнымъ ощущеніемъ. Иные носятъ при себѣ, по свидѣтельству *Штерна*, *ларчикъ Лоренца*, или сосудъ терпѣнія, и при первомъ волненіи гнѣва, согласно съ предпринятымъ намѣреніемъ, почерпаютъ изъ него равнодушіе и спокойствіе. Другіе, дабы подавить въ себѣ чувство оскорбленія, даютъ разговору другое направленіе, и всѣми мѣрами стараются избѣгать спорныхъ предме-

товъ. Императоръ Августъ, въ пылу гнѣва своего, прежде нежели начиналъ говорить или дѣлать что нибудь, перечитывалъ мысленно двадцать четыре буквы Греческаго алфавита. (Avrelii Victoris epit. c. 48). Самъ *Кантъ* совѣтуетъ, чтобы мы, стоя, прежде всего съ учтивостію предложили спулъ оскорбившему насъ противнику, дабы онъ, сѣвши, ослабилъ тѣмъ напряженіе своихъ нервовъ и успокоилъ растревоженный духъ свой. Но гораздо благоразумнѣе и сообразнѣе съ цѣлію, вмѣсто этихъ мелочныхъ способовъ, обратиться къ существенно *предостерегательнымъ средствамъ* отъ гнѣва, и прежде всего стараться противодѣйствовать ему:

1) *Умѣренностію, заботливостію о здоровьи и веселымъ расположеніемъ духа.* Больные и слабые всегда весьма раздражительны; особенно это случается при хроническихъ болѣзняхъ, каковы напр. хирагра и ипохондрія, кои нерѣдко потому даже приводятъ человѣка въ гнѣвъ, что для него нѣтъ никакого повода къ раздору и ссорѣ. Равнымъ образомъ и досада, которой такъ часто подвержены бываютъ ученые, дѣловые люди и художники, бываетъ причиною сильныхъ порывовъ гнѣва, какъ это доказали, неоднократными опытами своими, *Лютеръ* и *Кальвинъ*. Даже уединеніе доводитъ иногда до своенравія, упрямства и злости; посему ученые часто рѣзче и язвительнѣе бываютъ въ своихъ сочиненіяхъ, нежели въ разго-

ворахъ и бесѣдахъ. Но гораздо опаснѣе всѣхъ этихъ поводовъ, неумѣренность и пьянство, какъ это извѣстно уже изъ самыхъ давнихъ опытовъ, которые научаютъ насъ, что большая часть споровъ и ссоръ бываютъ во время пиршествъ. И такъ, кто не хочетъ подвергнуться искушенію гнѣва и быть его невольникомъ; тотъ всегда долженъ пещись о своемъ здоровьи, укрѣплять свое тѣло, быть умѣреннымъ и трезвымъ въ своемъ образѣ жизни, не изнурять себя своими занятіями и оживлять въ себѣ духъ веселости и доброжелательства бесѣдами и развлеченіями въ обществахъ.

2) Но коль скоро негодованіе противъ другаго уже возбуждено; то весьма великое вліяніе имѣетъ свободная и твердая *рѣшительность побѣдить себя при самомъ первомъ порывѣ гнѣва.* Какъ всякому пароксизму, даже епилепсіи и бѣшенству, предшествуютъ нѣкоторыя предварительныя и предостерегательныя судорожныя движенія: такъ и чувство гнѣва возгорается мало по малу и только постепенно превращается въ пламень, или доходитъ до самаго сильнаго взрыва. Кто бодрствуетъ надъ собою въ первыя рѣшительныя минуты гнѣва и старается погасить его искры прежде, нежели онѣ превратятся въ пламень; тотъ еще можетъ управлять чувствомъ своего негодованія, удерживать его и даже совершенно подавлять, ежели захочетъ. Если же онъ напротивъ позволитъ симъ искрамъ превратиться въ огонь

и пожаръ; иногда нѣтъ болѣе возможности погасить ихъ, развѣ только какая нибудь нечаянная противоположность чувствъ ему въ томъ поможетъ. При семъ случаѣ, равно какъ въ рѣшительныя минуты сладострастія, пьянства, страха и любви, самообладаніе является во всемъ своемъ блескѣ и величіи и исполняетъ побѣдителя такимъ чувствомъ собственнаго его достоинства, котораго нельзя сравнить ни съ какимъ другимъ пріятнымъ ощущеніемъ.

3) Всего болѣе должно смотрѣть за собою въ тѣ минуты, когда душа наша *чувствуетъ какое-то вдохновеніе, когда жизнь ума обнаруживается сильнѣе* и мы почитаемъ себя *умнѣе, лучше* и *достойнѣе* прочихъ. Ибо чѣмъ выше мы представляемъ себя въ своемъ воображеніи, тѣмъ болѣе находимъ слабости въ своихъ противникахъ и тѣмъ бываемъ раздражительнѣе и поползновеннѣе къ рѣзкимъ словамъ и неосторожнымъ поступкамъ. »Я долженъ уступить!« — думаетъ гордый и за малое оскорбленіе отплачиваетъ такою колкостію, каковой не можетъ оправдать несравненно большая обида. Но высокомѣрное чувство охладѣваетъ и за нечаяннымъ порывомъ слѣдуютъ стыдъ и раскаяніе.

4) Кто между тѣмъ обсуживаетъ со всею точностію нанесенныя оскорбленія и вникаетъ въ положеніе своего противника; тотъ скоро откроетъ, что у него рѣдко бываютъ причины ко гнѣву. Ежели претерпѣнная имъ обида

заслужена; но благоразуміе требуетъ снесши ее съ кротостію. Однажды Ла-Вальеръ, при входѣ въ церковь, услышала, что ее громко назвали такимъ именемъ, которое выражало порочныя ея связи съ Людовикомъ XIV. »Вѣрно этотъ человѣкъ знаетъ меня очень коротко, сказала она громко, когда такъ за меня молится.« — Коль же скоро обида совсѣмъ не заслужена; то она падаетъ на того, кто погрѣшилъ по опрометчивости, или по злобѣ, и въ обоихъ случаяхъ долженъ просить прощенія. »Не поступки другихъ безпокоятъ и огорчаютъ насъ, но ложныя объ нихъ понятія и мнѣнія; посему старайся узнать ихъ, говоритъ благородный *Антонинъ* (de se ipso L. XI, c. 18), и гнѣвъ твой тотчасъ исчезнетъ.«

5) Если же при этомъ *разсмотрѣть* еще, не сами ли мы *подвигнули* другаго *къ оскорбленію*; то духъ нашъ можетъ совершенно успокоиться. Безъ всякой причины и повода едва ли кто будетъ нападать на насъ. Къ оскорбительнымъ порывамъ увлекаетъ обыкновенно или давно питаемое отвращеніе въ душѣ противника, или какая либо невнимательность по его мнѣнію, видъ холодности, высокомѣрія, можетъ быть, даже шалапутъ, добродѣтель, или счастіе, намъ благопріятствующее. Въ первомъ случаѣ чувствительность оскорбителя должна послужить намъ предосторожностію, на будущее время быть осмотрительнѣе и скромнѣе. Если же напротивъ зависть, или ненависть гово-

рятъ устами противника, то насъ успокоитъ изрѣченіе *Пруденція* (Psychomach. v. 100):

Ipsa sibi est hostis vesania, seque furendo
Interimit morituque suis ira ignea telis.

»Бѣшенство есть врагъ само себѣ; пламенный гнѣвъ убиваетъ себя своимъ неистовствомъ и умираетъ отъ собственныхъ стрѣлъ.«

6) Самое дѣйствительное средство для подавленія гнѣва есть *благородное равнодушіе, поселяемое въ сердцѣ* мыслію о Богѣ и милосердомъ Его снисхожденіи. Какъ Его не можетъ коснуться никакое оскорбленіе: такъ и мы должны бороться всею силою и крѣпостію внутренняго человѣка, коего не можетъ побѣдить никакое внѣшнее зло. Какъ Онъ съ великимъ терпѣніемъ и благостію сноситъ наши заблужденія; такъ и мы должны быть медленны на гнѣвъ и всегда готовы прощать погрѣшающему. Какъ у Него *нѣтъ измѣненія, ниже сѣни преложенія*; такъ и мы никогда не должны забывать, въ лицѣ оскорбителя, уваженія къ человѣческой природѣ. Мщеніе можетъ быть пріятно для человѣка обыкновеннаго и взыскательнаго; но гораздо пріятнѣе и благороднѣе забвеніе всѣхъ обидъ и прощеніе. *Charron* de la sagesse, L. I. chap. 27 sq. *Pörsche's* Einleitung in die Moral. S. 267. f. *Less* von dem christlichen Verhalten in Absicht des Zorns und der Anweisung ihn christlich zu beherrschen, in s. Predd. von Gebete. Göttingen, 1785. Dritte Auflage. s. 279. ff.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

Обязанности по отношенію къ жизни ближняго.

§ 5.

Намѣренное убійство.

Любви къ ближнему совершенно противорѣчитъ *намѣренное убійство*, или *прекращеніе человѣческой жизни, безъ всякаго на то права и съ намѣреніемъ*. По отношенію къ жизненной причинѣ, *убійство* можетъ назваться *грубымъ*, или *утонченнымъ*, а по отношенію къ причинѣ нравственной — *посредственнымъ*, или *непосредственнымъ*. Отъ погубленія плода въ утробѣ матери, до смерти, налагаемой несправедливымъ приговоромъ судей; отъ убійства, причиненнаго по легкомыслію, до звѣрскаго варварства, ищущаго смерти другихъ,— представляется рядъ дѣйствій, носящихъ на себѣ печать преступленія.

Обязанность любви къ ближнимъ въ высшей степени нарушается *человѣкоубійствомъ* (homicidium), которое а) есть *мгновенное прекра-*

ще́ніе жизни, отличное отъ постепеннаго разрушенія оной въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, и притомъ прекращеніе насильственными средствами, механическими, или химическими. Мы окружены со всѣхъ сторонъ разрушительными силами и природа, сокрывши ихъ, оказала намъ величайшее благодѣяніе. Къ убійству относится также b) разрушеніе согласнаго дѣйствованія органическихъ силъ, отъ которыхъ зависитъ свободное дѣйствованіе духа. Какъ ни таинственна природа чувственной жизни даже для самыхъ врачей (*Лейпольда* Alle Lehre von den Lebensgeistern. Berlin, 1824); однако жъ условія, необходимыя для ея дѣйствованія, извѣстны даже простому народу. Какъ всякой умѣетъ защищать свой организмъ, такъ всякой знаетъ средство разрушить оный и положить конецъ его чудесному согласному дѣйствованію. Къ существеннымъ причинамъ убійства причисляется c) *намѣреніе* и *размышленіе*, съ которыми человѣкъ приступаетъ къ разрушенію органической жизни: ибо если охотникъ, стрѣляя дичь, убиваетъ человѣка, который нечаянно случился подъ выстрѣломъ; то это не будетъ преступнымъ убійствомъ, но несчастнымъ случаемъ, котораго не всегда можетъ избѣжать человѣкъ самый осторожный. Наконецъ d) убійство тогда только считается преступленіемъ, когда оно совершается *противъ права* и *обязанности*. Ибо если акушеръ не иначе можетъ спасти жизнь страж-

дущей родильницы, какъ чрезъ раздробленіе рождающагося; но здѣсь разрушительное дѣйствіе не только позволительно хирургу, но даже вмѣняется въ обязанность, и его нельзя считать убійцею, но другомъ человѣчества. Роды убійства такъ различны и многочисленны, какъ самыя болѣзни и средства къ прекращенію жизни. И такъ для насъ довольно будетъ раздѣлить убійства въ отношеніи къ производящей ихъ причинѣ, которая бываетъ *физическая* и *нравственная*. Въ отношеніи къ физической причинѣ, убійство раздѣляется на *грубое*, въ которомъ мгновенно прекращается жизнь, напримѣръ при ударѣ кинжаломъ въ сердце, и на *утонченное*, или постепенное, въ которомъ дѣйствіе умерщвленія совершается въ продолженіе долгаго времени, какъ это бываетъ при употребленіи нѣкоторыхъ ядовъ. И тотъ и другой родъ убійствъ совершенно одинаковы, какъ въ отношеніи къ правиламъ, такъ и въ отношеніи ко вмѣняемости, если только не присоединятся сюда какія нибудь особенныя обстоятельства, побудившія къ преступленію. Если убійство грубое кажется ужаснымъ, какъ кровавое злодѣяніе, совершенное въ одно мгновеніе; то не менѣе ужасно и убійство утонченное, терзающее свою жертву продолжительными страданіями. Исторія отравителей древнихъ и новыхъ временъ (*Фейербаха* Darstellung merkwürdiger Verbrechen Giessen, 1828, B. I. s. I. ff.) гораздо ужаснѣе, нежели

исторіи разбойниковъ. И такъ если мы станемъ разбирать убійства по отношенію къ физической причинѣ, то мы должны исчислить слѣдующіе роды:

1) *Отравленіе.* Оно съ востока перешло въ Грецію, оттуда — въ Римъ и всю Италію. Здѣсь было соединено съ бакханаліями и при Императорахъ достигло высшей степени, такъ что сдѣлалось опаснымъ для семействъ и цѣлаго государства. Не только женщины (sagae, excetrae), но и скитавшіеся кудесники (circumfaranei, chaldei, mathematici) занимались составленіемъ ядовъ (vitam insontium labefactare haud dubitant. Cod. lib. IX, tit. 18), отравляли людей и за то были наказываемы смертію.

2) *Умерщвленіе плода въ утробѣ матери* посредствомъ убійственныхъ средствъ было всеобщимъ на островахъ Южнаго Океана и особенно на островѣ Отагити, до введенія въ сіи страны Христіанской религіи, и въ нѣкоторыхъ обществахъ оно почиталось даже законнымъ. Уголовное право *Карла V* считаетъ убійцами всѣхъ, принимающихъ участіе въ этомъ преступленіи.

3) *Дѣтоубійство* и *подкидываніе дѣтей.* Въ Пекинѣ, гдѣ считается три милліона жителей, количество дѣтей, оставляемыхъ на произволъ судьбы, ежегодно простирается до девяти тысячъ; никто и не думаетъ о ихъ спасеніи; много, если миссіонеры тайно освѣщаютъ крещеніемъ ихъ бѣдныя души. (Barrow, Voyage en

Chine, Paris, 1806 v.). Напротивъ, Юстиніанъ опредѣлилъ смертную казнь за это преступленіе; ибо смертоубійство, совершаемое надъ имѣющимъ нужду въ помощи, вдвое виновнѣе (novell. CLIII, *de infantibus expositis*).

4) *Умерщвленіе выкидышей и родившихся уродами.* У Римлянъ отецъ урода былъ обязанъ тотчасъ умертвить его (filium, contra formam generis humani recens natum, cito *necato*. Fragm. XII tabb. t. IV, 3), и если отецъ не дѣлалъ этого, то въ послѣдствіи, по приказанію начальства, урода клали въ ящикъ и бросали въ море. Именно это наблюдалось при рожденіи гермафродитовъ (Liv. XXVII, 37. XXXI, 12). Сенека защищалъ этотъ варварскій обычай (liberos *debiles* et *monstrosos* merginus. De ira I, 13). Не почеловѣчески будетъ поступать тотъ, умерщвляющая живое существо, принадлежащее нашему роду; да притомъ это сопряжено со многими опасностями: ибо самые слабые дѣти мало по малу укрѣпляются и самые кретины и какерлаки способны къ различному образованію. Позволеніе убивать уродливыхъ дѣтей скоро можетъ распространиться и имѣть слѣдствіемъ дѣтоубійство.

5) *Умерщвленіе раненыхъ, изувѣченныхъ и больныхъ* (in remedium calamitatum, Justin. XV. 3). Такъ Лизимахъ умертвилъ Каллисѳена.

6) *Тайное убійство, соединенное съ коварствомъ* (assassinium). Такъ Генрихъ IV, Король Фран-

цузскій, палъ отъ кинжала религіознаго фанатика Равальяка. Знаменитое избіеніе Гугенотовъ въ Парижѣ (описанное *Бризардомъ*, *Вахлеромъ*, *де Ту*), есть нечто иное, какъ постыдное, коварное убійство въ огромномъ размѣрѣ.

7) Убійство, *совершенное изъ гордости, хищничества и мщенія.* Примѣры сего рода убійствъ находятся въ біографіяхъ *Картуша*, *Гизеля*, *Шиндерганна*, и въ юридическихъ случаяхъ, описанныхъ Пипавалемъ, Клейномъ, Глюкомъ, Фейербахомъ и другими.

8) Противное праву лишеніе жизни *по варварскимъ законамъ и по ложному приговору.* Такъ судьи во времена языческихъ Императоровъ умерщвляли Христіанъ, сообразуясь съ простымъ закономъ, не позволяющимъ терпѣть чужой религіи въ государствѣ; они предавали ихъ въ циркѣ на растерзаніе львамъ, сожигали на кострахъ (Лаврентій), вѣшали на крестахъ (Kortholt de persecutionibus ecclesiae primaevae sub imperatoribus ethnicis. Kiel, 1589, s. 435 ff.). Такъ Епископы на Констанскомъ соборѣ (1415) предали Гусса на сожженіе, не доказавъ его преступленія. Такъ Бонапартъ, въ качествѣ Перваго Консула, велѣлъ казнить Герцога Энгіенскаго, уличая его по революціоннымъ законамъ въ заговорѣ противъ правительства (Pièces historiques et inédites relatives au procès du Duc d'Eghien. Paris, 1823. Mémoires du duc de Rovigo. Paris, 1828, t. II, p. 413 ff.). Эти чер-

ты суть самыя отвратительныя въ нравственной исторіи человѣчества.

9) *Убійства*, совершаемыя *во время безначалія*. Таковы были убійства въ Римѣ во времена Маріи и Силлы, Цезаря, Помпея, Антонія и Октавія; а въ новѣйшее время во Франціи, въ правленіе Марата, Дантона, Робеспіера, Колло д'Ербуа и вообще во время Французской революціи. Ни одинъ тиранъ древности не пролилъ столько крови, сколько эти дикія своевольныя орды безъ закона и вѣры! Смот. Vie de Napoléon Buonaparte par Walter Scott. Paris, t. III, ch. IV, 1827.

Такъ какъ невинное умерщвленіе другихъ не входитъ въ составъ понятія о смертоубійствѣ; но всякое убійство, въ *нравственномъ* отношеніи становится *преступленіемъ непосредственно*, или *посредственно*. Здѣсь предполагается, что преступность означаетъ нравственное униженіе лица, которое оно навлекаетъ на себя свободнымъ нарушеніемъ закона, и въ слѣдствіе котораго судья по справедливости можетъ наложить на него соразмѣрное съ нимъ наказаніе. Мы также признаемъ, что законъ: »не убивай никого, кто свободно и, не нарушая правъ другаго, пользуется жизнію,« есть законъ природы; ибо на немъ основывается безопасность каждаго лица. И такъ, кто съ намѣреніемъ умерщвляетъ другаго, тотъ свободно нарушаетъ законъ; а такимъ образомъ теряетъ собственное право на жизнь, и содѣ-

лывается недостойнымъ гражданскаго существованія; слѣдовательно его поступокъ есть убійство, *непосредственно преступное* (homicidium dolosum); ибо, свободно нарушивъ законъ, онъ по необходимости лишается его покровительства. Конечно, если бы убійца былъ такъ грубъ и необразованъ, что даже не зналъ, что такое значитъ законъ, а слѣдовательно никогда не представлялъ себѣ ясно запрещенія — не убивать; то бы ему, какъ неразумному животному, нельзя было этого вмѣнить въ преступленіе. Но убійство, совершенное подъ благовиднымъ предлогомъ — освободить умерщвленнаго отъ земныхъ страданій, или предохранить отъ тяжкихъ грѣховъ, не можетъ извинить убійцы, если только онъ не потерялъ разсудка на этой мысли; ибо самое намѣреніе не позволительно, слѣдовательно преступно; да и самъ преступникъ не почелъ бы этого намѣренія добрымъ, если бы кто нибудь подъ тѣмъ же предлогомъ захотѣлъ его лишить жизни. Всякой грѣхъ и всякое злодѣяніе (такъ какъ нѣтъ поступковъ, безусловно противныхъ разуму) имѣютъ нѣкоторый видъ истины, справедливости, а часто даже долга и благочестія; но въ томъ-то и состоитъ преступленіе, что преступникъ не отличилъ мнимаго отъ истиннаго и не опклонилъ своего вниманія отъ благовидной стороны преступленія. Напротивъ, то убійство должно почитать только *посредственно преступнымъ* (culposum), которое совершено

неумышленно и было только слѣдствіемъ другаго непозволительнаго дѣйствія. Такъ напримѣръ, если кто, въ намѣреніи поспращать другаго, по неосторожности дѣлаетъ такой выстрѣлъ, который лишаетъ его жизни; или когда кто нибудь умерщвляетъ своего противника, котораго хотѣлъ только ранить; равнымъ образомъ, когда неосторожный ударъ обиженнаго убиваетъ обидчика, или когда палачъ сполъ жестоко мучитъ подверженнаго наказанію, что безъ смертнаго приговора лишаетъ его жизни. Сюда же должно отнести тѣ случаи, когда кто преступаетъ границы необходимой обороны и убиваетъ вора, или разбойника, котораго онъ хотѣлъ только обезоружить; когда лекарь безъ нужды прописываетъ ядовитыя лекарства, разрушительное дѣйствіе которыхъ легко предвидѣть можно; когда хирургъ по легкомыслію отваживается на такія операціи, которыя причиняютъ смерть страдальцу. Такъ какъ во всѣхъ сихъ случаяхъ насильственное уничтоженіе жизни человѣческой бываетъ ближайшимъ слѣдствіемъ такого поступка, который самъ по себѣ представляется несообразнымъ съ долгомъ: то оно тѣмъ болѣе должно быть почтено *преступнымъ*, чѣмъ съ большею вѣроятностію можно было предвидѣть пагубныя слѣдствія непозволеннаго дѣйствія.

§ 6.

О поврежденіи здоровья ближнихъ, о преступности этого дѣйствія и предосторожности противъ онаго.

Съ убійствомъ въ близкой связи находится *поврежденіе здоровья* другихъ, учиненное или по легкомыслію, или съ намѣреніемъ. Здоровье можетъ быть повреждено *изуродованіемъ, изувѣченіемъ*, причиненными въ гнѣвѣ и страсти мщенія, *неумѣреннымъ наказаніемъ, вредоносною пищею, опасными лекарствами*, или *злобною обидою*. Всѣ сіи поступки показываютъ *холодное равнодушіе* къ жизни, — *самую свирѣпую ненависть* и грубѣйшій эгоизмъ, преступное оскверненіе святости закона, *повелѣвающаго сохранять жизнь*, и наконецъ дерзкое *пренебреженіе къ Творцу*, который всѣхъ насъ одарилъ жизнію для взаимнаго образованія и общаго благосостоянія. Самыми вѣрными *средствами* противъ таковыхъ проступковъ можно почесть: уваженіе нравственнаго и физическаго достоинства че-

ловѣческой жизни, разсудительность и осторожность въ обхожденіи съ другими и постоянное памятованіе о плачевныхъ слѣдствіяхъ, происходящихъ отъ нарушенія обязанностей относительно жизни ближнихъ.

Къ убійству близко подходитъ *нарушеніе*, или *поврежденіе здоровья* другихъ, которое часто сопровождается продолжительнѣйшими и мучительнѣйшими страданіями, нежели насильственное отнятіе жизни. Сюда относятся:

1) *Изуродованіе тѣла* и именно скопленіе, на которое рѣшаются восточные жители изъ ревности (Впор. XXIII, 1), а западные изъ выгоды и для сохраненія голоса, или же просто по предразсудку и невѣжеству. Императоръ Юстиніанъ строго наказывалъ за таковое преступленіе: преступникъ, или преступница, осуждались на вѣчную работу, а имѣніе ихъ поступало въ казну (Novell. 142).

2) *Изувѣченіе тѣла*, причиненное во гнѣвѣ и страсти мщенія. Такъ искусные поединщики съ намѣреніемъ стараются обезобразить своихъ противниковъ, бойцы — нанесть опасныя раны своимъ соперникамъ.

3) *Неумѣренныя тѣлесныя* наказанія въ семействахъ, школахъ, въ войскѣ и въ темницахъ, или въ исправительныхъ домахъ.

4) *Порча съѣстныхъ припасовъ и напитковъ*,

Это дѣлаютъ скупые хозяева, которые своимъ домашнимъ приготовляютъ плохую и нездоровую пищу; а еще болѣе винопродавцы и торгующіе припасами, которые примѣшиваютъ вредныя вещества въ напитки, или продаютъ испорченные припасы. Къ этому весьма много содѣйствуетъ еще невѣжество и нерадѣніе.

5) *Неосторожное употребленіе и злоупотребленіе цѣлительныхъ средствъ;* такъ напримѣръ, если кто прописываетъ лекарство, котораго силы и дѣйствія онъ не знаетъ; или позволяетъ себѣ дѣлать опасные опыты надъ другими; или выбираетъ сильныя и раздражительныя средства, которыя быстро истощаютъ жизненныя силы; или вообще даетъ множество разнородныхъ лекарствъ и отъ больнаго ожидаетъ болѣе, нежели сколько въ состояніи вынесть и здоровый. У древнихъ Египтянъ законами постановлено было предписывать лекарства простыя и испытанныя; а кто не соблюдалъ сего закона и для опыта предписывалъ новыя лекарства, тотъ наказывался смертію. Diodori Siculi biblioth. hist. I, 1. c. 28.

6) *Злобная обида* и другіе недоброжелательные поступки часто бываютъ также вредны для здоровья ближнихъ. Въ этомъ обвинять можно развратныхъ дѣтей, наносящихъ безчестіе своимъ родителямъ; вздорливыхъ и распутныхъ супруговъ, которые причиняютъ другъ другу печаль и скорбь; недостойныхъ сослуживцевъ, которые по злобѣ и несогласію содѣ-

лываютъ для себя тягостнымъ исполненіе своихъ должностей.

Всѣ сіи поступки *противны нравственности* потому, что ими обнаруживается:

1) *Холодное равнодушіе* къ органической жизни человѣка, которая есть *самое лучшее произведеніе образованной силы природы.* Произведеніе искусства внушаетъ даже варвару какое-то уваженіе: онъ удивляется часовой машинѣ; съ большимъ вниманіемъ разсматриваетъ строеніе и переливы цвѣтовъ какого нибудь растенія; съ ужасомъ и отвращеніемъ смотритъ на мученія терзаемаго животнаго. Но что значатъ эти явленія въ сравненіи съ величественнымъ видомъ человѣка, въ которомъ самыя благородныя вещества тѣлеснаго міра соединены въ прекраснѣйшей формѣ? Только неистовое безуміе можетъ посягнуть на разрушеніе этого величественнаго произведенія Творца.

2) *Самолюбіе, стремящееся къ уничтоженію* всего насъ окружающаго. Намъ позволено удалять отъ себя непріятное и обезоруживать непріятеля; но оскорблять себѣ подобныхъ, истреблять изъ среди живыхъ и, если возможно, уничтожать — значитъ обнаруживать въ высшей степени ненависть, ярость и мстительность; одному только злому духу свойственно убивать, дабы съ одними ему преданными властвовать въ творенiи. Такъ какъ любовь есть жизнь, а безконечная любовь есть безко-

печная жизнь; но величайшая ненависть есть смерть и уничтоженіе.

3) Преступное *нарушеніе* закона, *охраняющаго* жизнь каждаго. Самыя животныя защищаютъ дѣтей своихъ съ величайшею вѣрностію и даже съ пожертвованіемъ собственной жизни; родительская любовь отвращаетъ отъ дѣтей всякую опасность, пока они сами не въ состояніи защищать себя; Каинъ, по убіеніи своего брата, считаетъ себя беззащитнымъ и погибшимъ (Быт. IV, 14); самъ Моисей допускаетъ кровную месть (Втор. XXXV, 12); она въ употребленіи у всѣхъ народовъ, которые еще не приняли естественнаго закона въ свое общественное устройство, и опасна только по злоупотребленію, какъ безконечный раздоръ между семействами. Посему кто, въ естественномъ состояніи, или въ нѣдрахъ общества, беззаконно отнимаетъ жизнь у своего ближняго; тотъ лишается права на защиту собственной жизни и на сохраненіе безопасности своего существованія; онъ содѣлался жертвою мздовоздаятельнаго закона и всегда долженъ страшиться наказанія, которое преслѣдуетъ его медленнымъ, но вѣрнымъ шагомъ. Наконецъ таковые поступки

4) *Явно нарушаютъ высочайшій порядокъ*, устроенный Всемогущимъ и Премудрымъ Богомъ, который сотворилъ насъ по своему образу и даровалъ намъ жизнь, какъ первое условіе нашего образованія и благополучія. И какъ

Онъ есть виновникъ жизни нашей; но одинъ только Онъ имѣетъ право лишать насъ жизни. Посему повреждение здоровья и отнятіе жизни у человѣка есть беззаконное оскорбленіе правъ Творца и нарушеніе премудраго міроправленія, насильственное нарушеніе мира и общественнаго благополучія и причина скорби и печали цѣлыхъ семействъ.

Если теперь размыслить, что сильные и могущественные властители, подобные Александру Великому и Наполеону, подъ предлогомъ осчастливленія рода человѣческаго, играли жизнію милліоновъ; ежели обратить вниманіе на то, сколько людей неблагоразумное леченіе приноситъ въ жертву смерти, прежде нежели въ состояніи будетъ малому числу счастливцевъ продлить жизнь нѣсколькими годами; если наконецъ представить, сколь много добродушные и кроткіе люди содѣлались наконецъ убійцами, никогда даже не представляя себѣ возможности такового бѣдствія: то легко можетъ родиться горестное опасеніе, что, можетъ быть, самое лучшее воспитаніе, самое религіозное направленіе ума и сердца не въ силахъ предохранить насъ отъ совершенія подобныхъ преступленій. Если бы искренніе друзья, говоритъ издатель твореній Лейбница въ одномъ весьма любопытномъ сочиненіи (Dutens, Mémoires d'un voyageur, qui se repose. Paris, 1806), собравшись вмѣстѣ въ тихое вечернее время, открыли другъ другу сердца свои; то бы боль-

шая часть изъ нихъ должны были признаться, что они или близки были къ преступленію, или уже совершили оное, и только до сихъ поръ счастливо скрывали. Одинъ изъ первыхъ Нѣмецкихъ криминалистовъ въ превосходномъ описаніи братоубійства, коего виновникомъ былъ скромный и честный молодой человѣкъ, замѣчаетъ слѣдующее: »Нѣтъ ничего несправедливѣе мнѣнія, будто только злой человѣкъ »способенъ къ великому преступленію, и будто »только пупемъ порока мы доходимъ до пре»ступленій. Часто какая нибудь усилившаяся »склонность нарушаетъ равновѣсіе свободы и »ниспровергаетъ все, къ чему ни прикоснется.« (Feuerbachs Darstellung merkwürdiger Verbrechen. Giessen, 1828. B. I, s. 227). Конечно, это можно сказать только о человѣкѣ, по внѣшности благочестивомъ, а въ самомъ дѣлѣ безнравственномъ, какъ это можно видѣть въ выше приведенномъ братоубійцѣ, который, по всѣмъ признакамъ, имѣлъ меркантильную душу, занятую только пустыми и ничтожными попеченіями и заботами, и еще прежде совершенія преступленія лишившуюся водительства нравственнаго генія. Но несомнѣнно и то, что всякой человѣкъ, не имѣющій живой вѣры въ Бога и рождающагося изъ ней религіознаго чувства, постоянно находится въ опасности впасть въ преступленіе; а потому, кромѣ попеченія о сохраненіи общенія съ Богомъ, ему нужны еще *слѣдующія предохранительныя средства* противъ

искушенія къ содѣянію убійства. Первое изъ нихъ есть точное *познаніе жизни* организма нашего тѣла. Кто хорошо понимаетъ чудесное устройство цѣлаго и знаетъ, сколь легко могутъ быть повреждены нѣжныя части онаго; тотъ конечно будетъ опасаться, чтобы сильныя дѣйствія страстей не повредили и не изказили этого превосходнаго произведенія природы. Но гораздо дѣйствительнѣе въ семъ случаѣ размышленіе *о нравственномъ достоинствѣ* нашего земнаго существованія относительно высшаго назначенія. Ибо какъ Богъ опредѣлилъ число дней нашихъ; то каждый изъ нихъ долженъ быть употребленъ на облагороженіе нашего существа въ нравственномъ отношеніи. И такъ мы можемъ и должны только смягчать мученія страдальца, а не прекращать ихъ, лишая его жизни. Весьма важно также во внѣшнемъ обхожденіи съ другими сохранять спокойную *разсудительность* и *осторожность*. Рѣзкое и непріятное слово, сказанное въ непрезвомъ состояніи, или въ страсти, производитъ часто раздоръ, который можетъ имѣть худыя слѣдствія. Ударъ, нанесенный въ гнѣвѣ, неумышленно брошенный камень, неосторожное прикосновеніе къ огнестрѣльному оружію, необдуманное направленіе острaго инструмента, причиняютъ часто тяжелыя раны, а иногда и смерть. Лучше быть слишкомъ осторожнымъ, нежели самоувѣреннымъ и безпечнымъ. Наконецъ надобно помышлять *о печальныхъ слѣд-*

ствіяхъ и слишкомъ позднемъ раскаяніи по совершеніи не очень важныхъ проступленій сего рода. Тяжелыя раны, нанесенныя въ несчастную минуту дитяти, отцу, брату; или умерщвленіе друга на охотѣ, въ борьбѣ и фехтованіи, оставляютъ на всю жизнь болѣзненное воспоминаніе и часто погружаютъ въ меланхолію, которая отравляетъ всѣ радости нашего существованія. Necker, Cours de morale religieuse. Paris, 1800. t. I, pag. 188. Du meurtre, de la violence et de l'indifférence à la vie des hommes. Eine Cabinet-predigt für krigerüsche Geister und Freuler. Michaelis von der Blutrache, im mosaischen Rechte, § 131 ff.

§ 7.

Дѣятельное попеченіе о жизни другихъ.

Конечно важнѣе всего этого было бы дѣйствительное поддержаніе и сохраненіе жизни нашихъ ближнихъ, если бы мы на самомъ дѣлѣ могли оказать имъ столько добра, сколько дѣлаемъ зла преступными дѣйствіями и часто даже въ то время, когда хотимъ принесть пользу. При всемъ томъ обязанность дѣйствовать на развитіе и укрѣпленіе жизни другихъ, не теряетъ

своей силы, будемъ ли мы защищать другихъ отъ нападеній и угрозъ, или ходить за больными, предосперегать буйныхъ и неосмотрительныхъ, помогать подвергшимся опасности и съ особеннымъ вниманіемъ пещись о жизни всѣхъ и каждаго въ то время, когда повсюду ослабѣвающая жизнь быстро истощается. Таковый образъ дѣйствованія достоинъ мудраго и друга человѣчества.

Разсуждая о поддержаніи жизни человѣческой, мы принуждены болѣе говорить о томъ, чего не должно дѣлать, нежели о томъ, что должно дѣлать. Впрочемъ, при ограниченности нашего ума и силъ, мы болѣе должны заботиться о сохраненіи нашего организма, нежели о продолженіи существованія, которымъ занимается сама природа. Посему нравоученіе повелѣваетъ только:

1) *Защищать тѣхъ, коимъ угрожаетъ насильственная смерть.* Такъ поступилъ милосердый Самарянинъ съ израненнымъ, впадшимъ въ руки разбойниковъ, не спрашась собственной, можетъ быть, весьма близкой опасности. Такъ, по свидѣтельству де Ту, одинъ Парижанинъ спасъ смертельнаго своего врага во время Варѳоломеевской ночи, когда изступленные Католи-

ки хотѣли заколоть бѣгущаго Гугенота. Такъ многіе, подвергшіеся изгнанію въ правленіе Робеспіера, были избавлены отъ меча тиранніи съ опасностію жизни самыхъ защитниковъ. Такъ Паркъ въ своихъ путешествіяхъ хвалитъ человѣколюбіе Мавританки, которая подъ своимъ кровомъ доставила ему безопасность и гостепріимство.

2) *Спасать тѣхъ, которые борятся съ насиліемъ стихій, или крайнею нуждою и отчаяніемъ.* Такъ благородный человѣкъ бросается въ огонь, чтобы взывающаго о помощи исторгнуть изъ пламени; смѣлый мореплаватель повергается въ шумящія волны, чтобы подать бѣдствующему руку помощи; великодушный другъ человѣчества вырываетъ изъ рукъ дерзкаго безумца оружіе, коимъ онъ хочетъ умертвить себя.

3) *Имѣть попеченіе и присмотръ за больными и страждущими.* Эта обязанность ближайшимъ образомъ относится къ родственникамъ и домашнимъ; потомъ къ сосѣдямъ, знакомымъ и друзьямъ; далѣе къ врачамъ и священникамъ и наконецъ ко всякому другу человѣчества, который въ состояніи помочь слабому и болящему, утѣшить его и успокоить. Параболяне древнихъ, пеніленціаріи среднихъ вѣковъ, братья и сестры милосердія Католической Церкви, представляютъ прекрасный примѣръ человѣколюбія для назиданія и подражанія.

4) *Предостереженіе неосторожныхъ*, которые разстроиваютъ свое здоровье, составляетъ нак-

же заслугу. Рѣшительные военачальники всею силою противятся воинамъ, когда они, покрытые потомъ, хотятъ броситься въ ближайшій источникъ.

5) Если мы не можемъ остановить слишкомъ быстраго процесса въ жизни другихъ; то на насъ лежитъ священная обязанность заботиться о томъ, чтобы не погребать мертвыхъ *слишкомъ скоро.* Можетъ быть, эту обязанность далеко простирали и часто долговременнымъ храненіемъ трупа причиняли вредъ здоровью живущихъ. Но такъ какъ состояніе обмиравшихъ во время ихъ смертельнаго обморока, по показанію ихъ самихъ, бываетъ самое ужасное; то скорѣе излишнюю осторожность въ семъ случаѣ можно назвать благоразуміемъ, нежели извинить и малѣйшее нерадѣніе.

Основаніе обязательства къ таковымъ поступкамъ легко найти можно; ибо

1) Всякій, кто сохраняетъ здоровье и жизнь другихъ, оказываетъ имъ такое *благодѣяніе,* которое ни чѣмъ на землѣ вознаграждено быть не можетъ. Искусный, дѣятельный и притомъ безкорыстный врачъ, который можетъ сказать, что для многихъ семействъ сохранилъ отца, супруга, покровителя, заслуживаетъ, какъ благородный и достойный другъ человѣчества, величайшее уваженіе и благодарность.

2) Никто не можетъ знать, что онъ въ послѣдніе дни и часы своей жизни не будетъ имѣть нужды въ *подобной помощи*; а ты услу-

ги, которыхъ ожидаютъ отъ другихъ и вельможа и убогій, должны прежде составлять священную обязанность ихъ самихъ.

ОТДѢЛЕНІЕ III.

Обязанности относительно *образованія* другихъ.

§ 8.

О л ж и.

Обязанности къ другимъ, какъ къ существамъ способнымъ усовершенствоваться, соединяются въ слѣдующемъ правилѣ: *не отвлекай другихъ отъ познанія истины, но преподавай имъ оную съ охотою и имѣй снисхожденіе къ ихъ слабости.* Первому правилу противорѣчитъ *ложь*, *которая есть намѣренное и противозаконное опроверженіе истины.* Нравоучители, желая точнѣе опредѣлить сію *противозаконность* и вѣрнѣе сдѣлать *раздѣленіе лжи*, при всемъ согласіи между собою, никакъ не могли избавиться отъ запутанностей.

Обязанности къ другимъ, какъ къ существамъ способнымъ образоваться и усовершен-

ствованьея, соединяются въ слѣдующемъ законѣ: *избѣгай лжи, поучай съ охотою другихъ и имѣй снисхожденіе къ слабостямъ.*

Относительно перваго правила, то есть, *избѣгать лжи*, самый обыкновенный умъ различаетъ открытый *вымыслъ* (fictio), гдѣ другой не ожидаетъ никакой истины, отъ *неправды* (falsiloquium), гдѣ онъ не имѣетъ никакого основанія ожидать ее, и отъ *лжи*, гдѣ онъ можетъ ожидать истины, но обманывается. И такъ всякая ложь не только заключаетъ въ себѣ *несправедливое* (falsum), или противорѣчіе истинѣ, но даже *сознаніе* онаго, (voluntas falsum enunciandi, по Августину), или намѣреніе сказать что либо несправедливое. Безъ намѣренія говорящій неправду, подобно неосторожному разглашателю вымышленныхъ новостей, есть страдательное орудіе въ рукахъ перваго лжеца, и потому самъ по себѣ совсѣмъ не лжецъ, а только обманутый легковѣръ.—Но кромѣ сего упрека, которой какъ неизгладимое пятно, преслѣдуетъ всякую ложь, сюда принадлежитъ еще упрекъ въ *противозаконности*, слѣдовательно въ *зломъ намѣреніи*, при дальнѣйшемъ изложеніи котораго правоучители приходятъ въ большое затрудненіе. Самые строгіе изъ нихъ, каковы напримѣръ Стоики, думаютъ, что дабы назвать намѣреніе *злымъ*, довольно уже одного *предположенія* обмануть другаго; Евдемонисты напротивъ утверждаютъ, что безправственность лжи и намѣренія солгать за-

виситъ отъ *вредности* вымысла. Но обѣ эти крайности не доводятъ до цѣли. Ибо съ одной стороны, какъ жалуется *Руссо*, школьная нравственность потому не согласна съ нравственностію жизни, что первая повелѣваетъ никого *не обманывать*, а послѣдняя указываетъ случаи, въ коихъ *это позволяется*. Съ другой стороны напротивъ трудно допустишь, чтобы *лжецъ*, при намѣреніи своемъ солгать, предусматривалъ какой нибудь вредъ отъ лжи: потому лжецу обманъ его всегда почти бываетъ полезенъ, иногда какъ друзья истины, каковы напримѣръ Христіанскіе мученики, за свободное исповѣданіе свое, часто должны были жертвовать кровію и жизнію. — Посему важный и спорный этотъ пунктъ надлежитъ еще разсмотрѣть, доколѣ точнѣйшее *раздѣленіе* лжи не озаритъ свѣтильникомъ самой высшей цѣли сообщенія нашихъ мыслей. Относительно *количества* ложъ можно дѣлить на такую, которая происходитъ или *изъ общихъ свойствъ воли человѣческой*, или изъ *особенныхъ, индивидуальныхъ, одному только лицу принадлежащихъ*. Человѣкъ есть *ложъ* и склоненъ нарушить данное слово. По *особенной* склонности ко лжи, примѣтны бываютъ, какъ отдѣльно нѣкоторые люди, такъ и цѣлые классы, или даже народы. *Индивидуальность* лжи повсюду представляется намъ на опытѣ: такъ какъ всѣмъ людямъ свойственъ эгоизмъ и всякой оказываетъ его по своему; то всѣ они обманываютъ осо-

бенным образомъ; любовь къ истинѣ и откровенность теряются мало по малу, начиная отъ великаго государственнаго мужа, утонченнаго въ хитростяхъ дипломатіи, и до послѣдняго брадобрея, вѣрющаго во второмъ домѣ тому, что онъ самъ выдумалъ въ первомъ. Предразсудки, лукавство и ложь суть атмосферы рода человѣческаго. Не многіе видятъ, что они со всѣхъ сторонъ окружены туманомъ, и еще менѣе такихъ, которые стараются, сквозь этотъ туманъ и мракъ, подняться къ свѣту истины. Относительно *качества* дѣлятъ ложъ на *позволительную* и *непозволительную*, *благородную* и *низкую*, *набожную*, или съ благочестивымъ намѣреніемъ сдѣланную, и *безбожную*, при коей забывается всякое чувство о Богѣ. *Позволительною* ложъ почитается тогда, когда для того говорятъ неправду, чтобы предотвратить угрожающее зло. *Благородною* называютъ ложь въ такомъ случаѣ, когда отъ неистоваго преслѣдователя нельзя сокрыть, безъ собственной опасности, предмета его ненависти; обманъ въ такихъ обстоятельствахъ одобрялъ и *Платонъ* (Alcibiades, II, p. 87. ed. Bipont.) *Низкою* ложью напротивъ называется та, которою кто нибудь спасаетъ самого себя отъ опасности, или какихъ запрудненій. Такъ во времена Французской революціи обвиненныя женщины, или дѣвицы, объявляли себя беременными и тѣмъ могли отсрочивать исполненіе сдѣланнаго надъ ними приговора. *Набожною*

(Fraus pia) называется та *ложь*, которую выдаютъ за истину по благочестивымъ намѣреніямъ; въ ней всегда обвиняли Езуитовъ. По *отношеніямъ* и *причинности* бываетъ *ложь* или *своя* собственная, или *чужая*; по *сущности*, или *вредная*, или *безвредная*. Всѣ сіи раздѣленія суть не болѣе, какъ игра словъ.

§ 9.

Различныя понятія о нравственности лжи.

Мнѣнія правоучителей о позволительности лжи не согласны между собою. *Стоики*, при всей строгости своихъ правилъ, говорятъ иногда о лжи позволительной и благородной; *Буддей* основалъ обязанность говорить правду на правѣ другаго требовать ее отъ насъ; *Михаелисъ* считалъ истину за естественный долгъ, къ которому впрочемъ онъ присоединялъ еще въ нѣкоторыхъ случаяхъ безмолвное *согласіе*; наконецъ *Евдемонисты* основывали обязанность быть чистосердечнымъ на добрыхъ слѣдствіяхъ, истекающихъ изъ такого образа дѣйствованія. Когда появились *Кантъ* и *Фихте*, открытые враги вся-

кой неправды; но они объявили ее преступленіемъ противъ человѣчества во всѣхъ ея формахъ, и проложили путь къ тому *ригоризму*, коему опять закрылся доступъ въ чистое человѣческое сердце.

Стоики въ своихъ нравственныхъ началахъ были суровы и непреклонны; однако жъ *Стобей* (Eclog. L. II. c. 7) допускаетъ ложъ во многихъ случаяхъ, а *Тацитъ* называетъ ее благородною и превосходною въ то время, когда напримѣръ перзаемый слуга спасаетъ ею своего господина. Изъ учителей Церкви *Буддей* (Institut. theologiae moralis, p. 245. s.) былъ такого мнѣнія: ежели другой не имѣетъ никакого права требовать отъ меня истины; но сказанный ему вымыслъ позволителенъ, хотя бы онъ былъ голая неправда; въ противномъ же случаѣ всякой вымыслъ есть *ложъ* и ни какъ не можетъ быть допущенъ. Хотя предложеннаго здѣсь начала никакимъ образомъ нельзя опровергнуть; но по крайней мѣрѣ оно неопредѣленно и потому недостаточно для разрѣшенія настоящаго вопроса. Заблудившійся странникъ не имѣетъ никакого права, или по крайней мѣрѣ полнаго права настоятельно требовать отъ меня, чтобы я указалъ ему прямую дорогу: однако жъ я поступаю противозаконно и измѣнически, коль скоро отказываю ему въ не-

обходимомъ пособіи, или навожу его на ложный путь. *Махаелисъ* (Th. II. s. 160. ff.) основываетъ истинность на безмолвномъ условіи людей сообщать мысли свои по лучшему убѣжденію; однако жъ онъ также допускаетъ случаи, въ коихъ одинъ можетъ уволить другаго отъ этой обязанности. Но ни этого условія, ни увольненія отъ него доказать не возможно, и какъ никто не можетъ уволить меня отъ обязанности дѣйствительной, такъ нѣтъ нужды избавляться отъ обязанности вымышленной. — Слѣдственно это предположеніе не твердо и для нравственности опасно. — Таково же правило и *Евдемонистовъ*, по мнѣнію которыхъ будто иногда только мы обязаны говорить истину, когда надѣемся отъ нея хорошихъ и спасительныхъ послѣдствій.

Кантъ (Tugendlehre, s. 83. ff.), а равно и *Фихте* (Sittenlehre) съ негодованіемъ отвергаютъ всѣ сіи опредѣленія. Кантъ смотритъ на ложъ прямо какъ на противорѣчіе истины и, не допуская при ней никакого хорошаго намѣренія, называетъ ее тяжкимъ нарушеніемъ полной обязанности къ самому себѣ, преступленіемъ противъ человѣчества, униженіемъ собственной личности; всякой лжецъ поступаетъ противно нравственной цѣли, перестаетъ быть человѣкомъ и дѣлается только тѣнью человѣка. Но это есть уже преувеличеніе обязанности, которой противозаконность можно доказать гораздо легче. Ежели бы всякое противо-

рѣчіе мыслей истинѣ было ложью: що произведенія поэзіи и басни надлежало бы отвергнуть; но они напротивъ допускаются и одобряются всѣми философами за свое нравственное направленіе. Искать истину заставляетъ насъ обязанность къ самимъ себѣ; а говорить объ ней и сообщать ее — обязанность къ ближнимъ. Ежели бы называть обязанностію къ самому себѣ согласіе человѣка съ самимъ собою въ мысляхъ, словахъ и поступкахъ; тогда бы всѣ добродѣтели подошли подъ сію категорію. Кромѣ того цѣль *сообщенія мыслей* совсѣмъ не есть истина сама въ себѣ, но истина, какъ условіе и вспомогательное средство нравственности.—Сказать прямую истину человѣку глупому, разсвирѣпѣвшему, бѣшеному, значитъ дать ему въ руки острый мечъ; слѣдовательно должно проникать въ состояніе души его и иногда посредствомъ заблужденія вести его къ истинѣ. Съ другой стороны неблагоразумно сказанная *истина* можетъ быть *орудіемъ погибели*, какъ напримѣръ не предупрежденное ничѣмъ извѣщеніе о смертномъ приговорѣ; ядъ, указанный отчаянному; неблагоразумная откровенность и предательство себя въ руки несправедливаго преслѣдователя. Посему справедливо говоритъ *Меланхтонъ*, что есть случаи, въ коихъ нельзя говорить прямо, но стороною, намѣками; потому что не только лгутъ, кои *безсовѣстно* обманываютъ. (Cathechesis puerilis, 1540, p. 98). *Руссо* совсѣмъ не считаетъ

за долгъ человѣка говоритъ истину, которая не можетъ быть полезна ни на одинъ разъ. (Réveries, въ его Oeuvres, ed. Deux-Pants, t. XX, p. 185). Смотр. также *Августина* de mendacio c. 6. contra mendacium, c. 7. *Моссгейма* Sittenlehre, Th. III, s. 397. ff. *Крузія* Moraltheologie, Th. II, s. 1594. f. *Рейнгарда* Christliche Moral § 296.

§ 10.

Вынужденная ложь.

Есть два важныхъ возраженія касательно *лжи вынужденной* и *лжи благородной*. *Вынужденною ложью* называютъ такой вымыслъ, къ которому заставляютъ насъ прибѣгать самыя тѣсныя обстоятельства. Но допуская, что въ такихъ крайнихъ случаяхъ не многіе могутъ противостать искушенію лжи, находя въ нихъ самую благовидную причину оправдать себя и сложить всю отвѣтственность на тѣхъ, которые поставили насъ въ такое трудное положеніе, нельзя по крайней мѣрѣ не ограничить поползновенности человѣческой въ сихъ обстоятельствахъ.

Такъ собственно вынужденную ложь можно допустить только въ состояніи безсилія, а не въ состояніи свободной самостоятельности; ее обвиняетъ то уважаемое всѣми мужество, которое исповѣдуетъ истину безбоязненно; избавлять отъ обязанности всѣмъ жертвовать истинѣ въ пользу слабости человѣческой, значило бы умножать число неправдъ угрожающими крайностями, поводы къ коимъ всегда будутъ готовы, и тогда словами и примѣрами прославляемую твердость Христіанскаго характера надлежало бы разрушить въ самомъ ея основаніи.

Равнымъ образомъ, ежели допустить, что обязанность быть откровеннымъ зависитъ отъ возможности нравственнаго употребленія истины; то все еще остается не рѣшеннымъ вопросъ: естьли *ложь необходимая и благородная?* Такою часто называли ту вынужденную ложъ, которую считаютъ обыкновенно необходимою по внутреннему убѣжденію разума и на которую смотрятъ вмѣстѣ какъ на необходимое слѣдствіе внѣшняго естественнаго принужденія, соединеннаго съ великими бѣдствія-

ми, или опасностями. Такъ Св. Аѳанасія преслѣдовалъ въ Египетскихъ пустыняхъ убійца и спрашивалъ объ его имени. Аѳанасій обманывалъ его и тѣмъ спасалъ свою жизнь; потому что предать себя въ руки врага, угрожающаго смертію, какъ говоритъ онъ самъ, значитъ быть собственнымъ своимъ убійцею (opp. ed. Colon, t. 1, p. 699.) Нравоучители защищаютъ подобные поступки примѣромъ повивальныхъ Еврейскихъ бабокъ (2 Моис. I. 15 — 19), обманывавшихъ Фараона въ убійствѣ; примѣромъ Мельколы, спасшей жизнь супруга своего Давида отъ преслѣдованія отца ея; обманомъ Прода Волхвами, которыхъ принудилъ онъ къ тому справедливымъ подозрѣніемъ. Во-вторыхъ никто, находившійся въ такомъ положеніи, не чувствовалъ угрызенія совѣсти за сказанную имъ неправду, потому что въ крайности нѣтъ заповѣдей, и въ бѣдѣ и трудностяхъ нельзя придумать другихъ средствъ помочь себѣ. Можно еще сказать, что всякой, принуждающій другаго угрозами и физическимъ насиліемъ говорить истину, теряетъ на нее свое право, и потому не долженъ жаловаться, когда его обманываютъ. Но вынужденную ложъ въ смыслѣ сего слова, приведенномъ выше, можно допустить только въ томъ единственно случаѣ, когда кто либо теряетъ всю свою самостоятельность, или отъ чрезмѣрной скорби, или отъ сильныхъ ощущеній страданія, какъ мученики. Свобода дѣйствія, нравственность ея и вмѣненіе тогда

только уничтожаются, когда естественная необходимость отнимаетъ у человѣка и голосъ, и слово, и память. Но между прочими обстоятельствами должно замѣтить слѣдующія:

1) Уже самое понятіе вынужденной лжи есть *противорѣчіе;* твердой воли ни какъ нельзя принудить; а потому и ложъ не можетъ быть вынуждена. Никакое насиліе и мученіе не должны принудить благороднаго мужа измѣнить запечатлѣнной клятвою тайнѣ, или позволить языку его произнести ложное слово. Это предполагаютъ даже разбойники и мучители, когда они хотятъ выѣдать отъ кого либо тайну, или вынудить обѣщаніе; ибо, подозрѣвая въ какой либо лжи, или измѣнѣ попавшагося въ ихъ руки несчастнаго, они умерщвляютъ его, или лишаютъ свободы.

2) *Извинять* такъ называемую вынужденную ложъ можно, но *уважать* ее нельзя. Такъ можно извинить *Генриха IV*, Короля Французскаго, когда онъ, будучи Королемъ Наварскимъ, поклялся принять Католическую Вѣру; но уваженіе заслуживаетъ въ семъ отношеніи одинъ только Принцъ *Конде*, котораго не могли поколебать никакія угрозы убійцъ. Никто не обвиняетъ Гроція за бѣгство его изъ несправедливаго заключенія; но твердость супруги его, которая осталась въ темницѣ, подвергая себя добровольно опасности, ставятъ выше его. Выше ихъ обоихъ стоитъ *Сократъ*, которому друзья его хотѣли подать помощь скрыться изъ тем-

ницы, но который между тѣмъ; при всей неизбѣжности позорной смерти, недостойнымъ считалъ обманывать судей своихъ. Самаго даже упрямаго *Клита*, который на вопросъ Александра: *кто ты?* смѣло отвѣчалъ: «я Клитъ и иду съ царскаго пира,» мы уважаемъ за то, что онъ не скрылъ по робости своего имени. — И такъ ежели геройскій духъ имѣетъ столь высокую цѣну для истины; то напротивъ боязливость и малодушіе въ исповѣданіи оной недостойны и презрительны.

3) Но ежели въ нѣкоторыхъ случаяхъ допустить принужденіе природы, или, что все равно, силу искушенія, посредствомъ котораго можно было бы оправдать отрицаніе истины: то каждый началъ бы тотчасъ давать этой нуждѣ больший *объемъ* и большую *обширность*, которые скоро должны бы сдѣлать истину исключеніемъ. Утѣсняемый должникъ сталъ бы обѣщать плату, но съ тѣмъ вмѣстѣ извинять свою неустойчивость нуждою; преступникъ сталъ бы лгать и оправдывать свою ложь страхомъ наказанія; свидѣтель сталъ бы давать ложныя клятвы и ссылаться на опасность, угрожающую виновному его другу; покоренный и поклявшійся въ покорности врагъ считалъ бы себя въ правѣ коварно обратить оружіе противъ побѣдителя, повѣрившаго его клятвѣ; нерѣдко стали бы даже приходить въ затрудненіе, говорить ли прямую и открытую истину, потому что съ хитрою ложью всегда легче

жить въ свѣтѣ. И такъ кто вынужденную ложь считаетъ за добродѣтель, тотъ грѣшитъ противъ Бога, своей совѣсти и всего человѣчества; ибо онъ расторгаетъ съ долгомъ истины тотъ союзъ, который облагораживаетъ и се и человѣка, и возвышаетъ общее ихъ достоинство. Если и можно въ нѣкоторыхъ случаяхъ почесть вынужденную ложъ извинительною, или, смотря на нее особенно со стороны права, назвать позволительною; то никакъ нельзя назвать ее такимъ поступкомъ, который бы одобряли приговоръ и гласъ совѣсти.

§ 11.

Благородная ложь.

Въ противоположность низкой, или обыкновенной лжи, которою гнушается каждый, можетъ существовать еще ложь *благородная*, которую иные ставятъ выше обязанности быть откровеннымъ. Она можетъ имѣть мѣсто въ такомъ случаѣ, когда человѣкъ, прибѣгая къ неправдѣ, съ самоотверженіемъ и собственною опасностію, можетъ тѣмъ спасти другаго отъ какого нибудь великаго *бѣдствія*, сохранить его *честь*

и *жизнь*, даже изъ особеннаго къ нему расположенія *взять на себя его вину и наказаніе* и такимъ образомъ *пожертвовать* ему самимъ собою. Впрочемъ мы ниже увидимъ, что сіи поступки не имѣютъ опредѣленнаго нравственнаго достоинства; съ одной стороны они благородны, а съ другой несправедливы; слѣдовательно они обоюдны, и только по намѣренію похвальны, а въ самомъ дѣлѣ предосудительны и недостойны человѣка.

Низкою ложью обыкновенно называется та, въ которой лжецъ имѣетъ цѣлію собственную выгоду, соединенную со вредомъ другихъ. *Благородною* напротивъ называется такая ложь, которую говоритъ человѣкъ по великодушію и самоотверженію для блага другихъ. Въ такихъ случаяхъ обязанность къ справедливости должна быть ограничена. Ложь бываетъ благородною во первыхъ въ такомъ случаѣ, когда кто нибудь, посредствомъ великодушной и рѣшительной неправды, *спасаетъ невиннаго отъ какого либо великаго несчастія*. Еще *благороднѣе* должна быть ложь въ такомъ случаѣ, когда кто нибудь посредствомъ ея, со вредомъ для самаго себя, спасаетъ *честь* другаго. Такое же, если еще не высшее, достоинство имѣетъ ложь

и иногда, когда человѣкъ, посредствомъ ея, съ опасностію для самаго себя, *спасаетъ жизнь* другому. Такъ Еврейскія повивальныя бабки обманывали Фараона, чтобы отвратить отъ себя преступленіе дѣтоубійства, къ которому онъ ихъ принуждалъ; такъ Мелькола обманула отца своего Саула, дабы способствовать бѣгству своего супруга и тѣмъ спасти его; такъ въ Парижѣ народный депутатъ Аллютъ обманулъ неистовую толпу черни, которая хотѣла убить одного молодаго человѣка, почитая его аристократомъ и тайнымъ посланникомъ Принцевъ. «Граждане, сказалъ депутатъ, разсмотрите этого молодаго человѣка точнѣе; я знаю, что онъ за нѣсколько лѣтъ предъ симъ сошелъ съ ума и пріѣхалъ сюда лечиться.» Несчастный понялъ своего спасителя, принялъ на себя безсмысленную физіономію и былъ освобожденъ при всеобщихъ похвалахъ отважному депутату (Dampmartin, Mémoires sur divers événemens de la révolution. Paris, 1825, t. I, p. 417, S.). Наконецъ высшую степень благородства обнаруживаетъ ложь въ такомъ случаѣ, когда кто *жертвуетъ собою* для другаго и, будучи самъ невиненъ, принимаетъ на себя вину его и наказаніе. Какъ въ древней, такъ и въ новой исторіи находится довольно примѣровъ, что люди невинные и совсѣмъ не подозрѣваемые въ преступленіи, принимали на себя опасность и вину другихъ; иногда, выдавая себя подъ именемъ другаго, приписывали себѣ его

поступокъ и своею смертію заглаживали чужое преступленіе.

При точнѣйшемъ изслѣдованіи мы найдемъ, что сіи поступки, не смотря на свою блистательность съ одной стороны, *происходятъ изъ совершенно различныхъ началъ* и посему имѣютъ не одинаковое нравственное достоинство; слѣдовательно на нихъ никакъ нельзя основать опредѣленнаго правила для ограниченія обязанности говорить истину. Поступки *повивальныхъ бабокъ*, *Мельхолы* и депутата *Аллюта* весьма благородны; они поступили бы неблагоразумно, если бы откровеніемъ истины усилили въ Фараонѣ, Саулѣ и кровожадной черни жажду убійствъ, или еще способствовали бы несомнѣнному совершенію угрожавшихъ преступленій. И такъ здѣсь дѣйствительно должно сдѣлать нѣкоторое ограниченіе обязанности къ истинѣ. Напротивъ совсѣмъ беззаконно *говорить ложь для блага другаго*, будетъ ли она состоять въ ложномъ свидѣтельствѣ за кого нибудь, какъ поступало языческое правительство во время Деціева гоненія, когда Христіане, не хотѣвшіе подвергнуться смертной казни, должны были доставлять свидѣтельства (libellatici) о своемъ участіи въ языческихъ жертвоприношеніяхъ (Moshemii, Commentarii de rebus Christianorum ante Constantinum M. p. 486, S.); или въ подлогѣ лица и имени для избавленія кого нибудь отъ великой опасности; или даже въ принятіи на себя чьихъ либо дѣйствій, или бездѣйствія. Ибо

иначе можно бы было для пользы другаго красть, грабить, убивать, или, какъ сдѣлала жена Акиндинова, отважиться на супружескій разводъ, дабы спасти супруга своего отъ его заимодавцевъ, враговъ и судей. Но всякое благодѣяніе, основанное на явной несправедливости къ себѣ самимъ и другимъ, не есть собственно благодѣяніе и недостойно насъ. *Благородныя несправедливости* такого рода суть выродки, зачатіе и рожденіе которыхъ никогда не можетъ быть одобрено закономъ нравственнымъ, сколь бы ни велики были ихъ природныя преимущества.

§ 12.

Точнѣйшее ограниченіе правдивости.

По причинѣ неопредѣленности и обоюдности приведенныхъ выше примѣровъ, нужно точнѣе опредѣлить тѣ случаи, въ коихъ не только *можно*, но и *должно* жертвовать истиною; иначе столь важный предметъ предоставится произволу каждаго. Согласно съ сею цѣлію мы поставляемъ правила: вопервыхъ *позволительно уклоняться отъ строгой истины въ такомъ случаѣ, если другой совсѣмъ ея не ожидаетъ;* вовторыхъ, *мы*

обязаны совсѣмъ скрывать отъ другаго истину въ такомъ случаѣ, если онъ, руководствуясь здравымъ разумомъ, отнюдь не можетъ и не долженъ ожидать ея. Въ первомъ правилѣ содержится *законъ*, коимъ только *дозволяется* справедливое уклоненіе отъ истины; но примѣненіе его въ области нравственной должно быть предоставлено совѣсти каждаго. Второе правило напротивъ изрекаетъ безусловный *нравственный законъ*, потому что тотъ поступилъ бы неблагоразумно и безразсудно, слѣдовательно и вопреки обязанности, кто сталъ бы расточать истину предъ слабоумiемъ и глупостiю, или даже употреблять ее, какъ орудiе грѣха и погибели.

Высшее правительство, при обнародованiи законовъ, сколько возможно соображается съ обстоятельствами и потребностями общества. Между тѣмъ часто встрѣчаются случаи, которыхъ законодатель, не смотря на свою мудрость, совсѣмъ не предвидѣлъ, и которые по тому необходимо требуютъ измѣненiя, или, по свойству обстоятельствъ, совершеннаго от-

мѣщенія его постановленій. Тѣмъ болѣе это должно сказать объ обязанности говорить правду, когда она зависитъ отъ насъ самихъ. Ибо хотя Богъ и на сей случай достаточно открылъ намъ свою волю частію въ нашей совѣсти, частію же въ нравственномъ порядкѣ вещей: однако же мы не всегда познаемъ оную во всей ея чистотѣ и совершенствѣ и часто, уклоняясь отъ надлежащаго пути, не иначе возвращаемся къ своей обязанности, какъ уже послѣ многихъ заблужденій. Для избѣжанія того порицанія, которому подвержены выше приведенные примѣры, должно различать въ этомъ важномъ дѣлѣ голосъ *права* и обязанности. Впрочемъ подъ первымъ мы разумѣемъ не положительное право, часто допускающее такую несправедливость и ложь, которой въ нравственномъ смыслѣ никакъ нельзя почитать позволительною; но *право чистаго разума*, заключающее въ себѣ только то, что нравственно-возможно, и не допускающее никакого понятія, противнаго обязанности. Въ семъ отношеніи первымъ, или пріуготовительнымъ правиломъ будетъ слѣдующее: *Позволительно представить другому вымыслъ вмѣсто истины тогда, когда онъ совсѣмъ ея не ожидаетъ, зная, или имѣя возможность знать, что говорящій, или пишущій предоставитъ полную свободу своему воображенію.* Вымыслъ весьма часто допускается въ области поэзіи и краснорѣчія; иногда даже позволяютъ смѣшивать его съ истиною

для споспѣшествованія какой нибудь нравственной и эстетической цѣли, что мы находимъ въ Киропедіи *Ксенофонта* и во всѣхъ другихъ подобныхъ сочиненіяхъ, основанныхъ на вымыслѣ; и самое нравоученіе не должно безусловно осуждать этого смѣшенія, коль бы оно ни казалось достойнымъ порицанія предъ судомъ строгой науки. Но еще чаще въ дѣйствительной жизни люди уклоняются отъ истины, накидываютъ на нее покровъ, преступаютъ въ ней предѣлы и сохраняютъ одинъ ея призракъ, или для того, чтобы избавить другихъ отъ какихъ либо непріятностей, или чтобы представить имъ образецъ высшаго совершенства, изощрить ихъ умъ и доставить имъ полезныя свѣдѣнія, или удовольствіе, какъ это случается въ шуткахъ, въ общежительныхъ забавахъ, въ изъявленіи учтивости и привѣтствія. Доколѣ во всѣ сіи вымыслы и полувымыслы не вмѣшивается ласкательство, суетность, коварство, или безрелигіозность; дотолѣ не можетъ осуждать ихъ и нравоученіе; потому что другой знаетъ, какъ должно смотрѣть на нихъ, и если не смотря на то онъ легковѣрно признаетъ ихъ за истину, то заблужденіе должно быть вмѣнено ему одному и его ослѣпленію. Впрочемъ всякое видоизмѣненіе и укрытіе истины должно почитать только *позволительнымъ*, а отнюдь не *добрымъ;* потому что нравственное достоинство его зависитъ отъ обстоятельствъ и личныхъ свойствъ говорящаго

и слушающаго. Съ людьми необразованными никакой благоразумный человѣкъ не будетъ говорить въ аллегоріяхъ, смягченныхъ выраженіяхъ и тонкихъ оборотахъ учтивости; Сенека и Тацитъ стали бы говорить съ надменнымъ сатрапомъ *Феликсомъ* совсѣмъ иначе, нежели унижающійся предъ нимъ *Тертулл* (Apg. XXIV); того, что говоритъ Гете въ *Фаустѣ*, или въ другомъ своемъ сочиненіи: *Родство по выбору* (Wahlverwandschaft), никакой правоучитель не почтетъ за истину, и свѣтскія учтивости въ нравственныхъ поученіяхъ были бы столь же неумѣстны, какъ и замысловатыя шутки въ поученіяхъ Авраама фонъ Санкта Клара, не смотря на ихъ остроуміе. То же должно сказать о нравственномъ достоинствѣ поэтическихъ вымысловъ и драматическихъ представленій; тѣ и другія изъ нихъ, именно первые въ словахъ, а послѣднія въ дѣйствіяхъ, должны прообразовать истину и соединяться съ нею; какъ юное дерево производитъ много пустыхъ цвѣтовъ, такъ и юная фантазія бываетъ богата пустыми образами; и какъ зрѣлый возрастъ уже не занимается дѣтскими играми, такъ и нравственное достоинство мужа не позволяетъ уже забавляться поверхностными изображеніями, но въ разговорахъ и письмѣ требуетъ опредѣленности, ясности и неподдѣльности. Во второмъ законѣ содержится слѣдующее нравственное правило: *мы обязаны тогда скрывать отъ другаго истину, когда онъ, ру-*

ководствуясь здравымъ разумомъ, совсѣмъ не можетъ, или не долженъ ожидать ее. Онъ *не можетъ* ожидать истины тогда, когда по расположенію духа бываетъ неспособенъ принять ее. Это можетъ быть или отъ того, что по причинѣ сильныхъ возмущеній въ своемъ организмѣ онъ лишился на время употребленія своего разумнаго сознанія, какъ это бываетъ съ тѣмъ, кто находится въ непрезвомъ состояніи, или въ сильномъ гнѣвѣ; или отъ того, что онъ на чемъ нибудь помѣшался (idea fixa) и самъ не можетъ отличать истины. Когда напримѣръ кто въ не трезвомъ состояніи поссорился съ другимъ и будетъ требовать отъ меня ввѣреннаго мнѣ имъ оружія: то неблагоразумно уважать его требованіе, хотя оно и справедливо; потому что онъ въ такомъ расположеніи духа видимо готовится во зло употребить свое оружіе. Но безразсудно и даже опасно прямо отказать ему въ его требованіи; иначе онъ можетъ дать только другое направленіе своей запальчивости и насилію; схватить его и связать насильно можетъ быть неприлично, или даже невозможно. Слѣдовательно человѣку благонамѣренному и разсудительному ничего больше не остается дѣлать, какъ отклонить непрезваго отъ его желанія и, *на основаніи всеобщаго права попечительства, которое имѣетъ надъ глупцомъ каждый разумный человѣкъ, подъ какимъ нибудь благовиднымъ предлогомъ* долгъ не возвращать ему его оружія, пока онъ снова

не придетъ въ состояніе управлять собою. Этотъ благовидный предлогъ предлежательно, или самъ въ себѣ, будетъ явно неправдою; но подлежательно, или въ отношеніи къ расположенію духа дѣйствующаго лица, онъ будетъ единственнымъ средствомъ, которое, до вступленія разсудка въ свои права, можетъ предохранить его отъ великаго преступленія. Еще съ большею справедливостію должно сказать это о сумасшедшихъ и бѣсноватыхъ. Такъ какъ они, помѣшавшись на чемъ нибудь, не могутъ свободно располагать своими мыслями и, ограничиваясь извѣстнымъ кругомъ неправильныхъ представленій, не могутъ перенять никакого противорѣчія; то съ ними должно поступать благоразумно, снисходя къ ихъ состоянію. Но здѣсь съ успѣхомъ можно дѣйствовать только помощію подобныхъ, слѣдовательно невѣрныхъ и несправедливыхъ мыслей, которыя, какъ то доказываютъ многіе примѣры, при мудромъ выборѣ могутъ исправить самое помѣшательство ума и больной душѣ возвратить свободу и здоровье. И такъ по свойству самаго дѣла нельзя сомнѣваться въ томъ, что сообщеніе истины должно быть соразмѣряемо съ умственною удобопріемлемостію другаго, такъ какъ сообщеніе дневнаго свѣта съ зрительною способностію глаза. Слѣдовательно по разуму необходимо, а посему предбудется и закономъ, совсѣмъ, или частію скрывать отъ другаго истину, когда онъ, уклонившись отъ правильна-

го состоянія своего духа, не можетъ ожидать ея, и только посредствомъ временнаго закрытія его больнаго духовнаго ока можетъ опять сдѣлаться способнымъ къ созерцанію мысленнаго свѣта. Но бываютъ такіе случаи, въ коихъ другой не долженъ ожидать испины, когда напримѣръ мы имѣемъ справедливую причину опасаться, чтобы онъ, узнавъ истину, не совершилъ какого нибудь грѣха, или тяжкаго преступленія. Когда поступки другаго показываютъ намъ, что онъ вполнѣ владѣетъ разумомъ и свободною волею; то мы не обязываемся имѣть объ немъ попеченіе: но когда онъ явно рѣшится на какое нибудь безразсудное и пагубное предпріятіе, или когда по крайней мѣрѣ съ большею вѣроятностію можно подозрѣвать его въ томъ; то мы уже должны сомнѣваться въ его здравомыслін. Если теперь, представляя въ особенномъ видѣ обязанность, мы не можемъ отклонить его отъ сего намѣренія: то должны по крайней мѣрѣ скрыть отъ него истинность фактовъ; ибо иначе, сообщивъ ее, мы сдѣлались бы участниками въ его преступленіи. Такимъ образомъ, какъ мы сказали выше, справедливо обманывали Фараона Еврейскія повивальныя бабки, чтобы удержать его отъ убійства дѣтей; справедливо Мелькола объявила больнымъ своего супруга, чтобы дать ему средство спастись отъ жестокости своего отца; благоразумно волхвы нарушили данное Ироду обѣщаніе сообщить ему точнѣйшія извѣстія

о Младенцѣ Виолеемскомъ. Строгіе правоучители конечно будутъ утверждать, что было бы гораздо лучше, если бы повивальныя бабки совсѣмъ отказали Фараону въ повиновеніи; если бы Мелькола вовсе не сообщала отцу своему извѣстія о Давидѣ, и если бы волхвы въ самомъ началѣ отклонили отъ себя, или рѣшительно даже отказались исполнить гибельное порученіе Ирода. И въ самомъ дѣлѣ отважный и неустрашимый отказъ въ истинѣ при такихъ обстоятельствахъ, даже среди большихъ угрозъ и опасностей, есть поступокъ геройскій, заслуживающій уваженіе. Такъ при Людовикѣ XIV одинъ Гугенотъ, по имени Сабатье, находясь на галерахъ въ Дюнкирхенѣ, пришелъ въ затруднительное положеніе. Онъ роздалъ товарищамъ своего несчастія милостыню, которую неизвѣстныя лица собрали для нихъ въ Женевѣ и переславъ чрезъ Марсель посредствомъ Дюнкирхенскаго банкира, поручили ему. По строгости тогдашнихъ законовъ и этотъ банкиръ долженъ бы былъ погибнуть, если бы галерный начальникъ узналъ о его имени. Сабатье, признавшись во всемъ другомъ, мужественно отказался объявить своему невстовому начальнику имя банкира и согласился лучше перпѣть мученіе, нежели откритіемъ истины подать поводъ къ постыдному преступленію (Mémoires d'un protestant condamné aux galères de France, écrits par lui—même. Rotterdam 1757 p. 269 s.). Но здѣсь все дѣло было уже откры̀то;

Сабанѣе ни подъ какимъ благовиднымъ предлогомъ не могъ сказать, что онъ не знаетъ посредника Женевскихъ пожертвованій; слѣдовательно ему оставалось только обратить гнѣвъ правительства на невиннаго банкира, или ярость своего губернатора на себя; вотъ почему онъ съ мужествомъ и неустрашимостію предпочелъ послѣднее. Въ другихъ обстоятельствахъ онъ или притворился бы въ незнаніи, или употребилъ бы другую какую нибудь хитрость, дабы отвратить преступленіе ослѣпленнаго начальника, угрожавшее бѣдою и ему и благодѣтелю несчастныхъ; онъ съ намѣреніемъ солгалъ бы, потому что человѣкъ, обезславливающій себя несправедливостію требованія и, въ *этомъ отношеніи*, потерявшій свое достоинство предъ Богомъ и совѣстію, никакъ *не долженствовалъ* ожидать отъ него истины. И такъ мы не обязаны быть откровенными въ слѣдующихъ случаяхъ:

1) Когда мы увѣрены, что эта откровенность *будетъ пагубна* или *для того*, кто въ страсти ея требуетъ, или *для другихъ*. Клятва не можетъ никого обязывать къ несправедливости и преступленію: точно также истина не должна быть орудіемъ ко грѣху, пороку и злодѣянію.

2) Всѣхъ истинъ вѣры и совѣсти ни отъ кого не должно скрывать; даже и того, кто находится въ заблужденіи и ослѣпленіи, посредствомъ сихъ истинъ должно обращать къ здравому сужденію и его обязанности. На-

противъ истину частную, отдѣльную, *состоящую въ фактахъ*, какъ напримѣръ извѣстіе о бѣглецѣ, скрывающемся отъ своего раздраженнаго преслѣдователя, не должно сообщать ослѣпленному уму гонителя, который тотчасъ употребитъ ее во зло и совершитъ преступное дѣло. Посему въ неизбѣжныхъ тѣсныхъ обстоятельствахъ истинный фактъ можно замѣнить подложнымъ, могущимъ воспрепятствовать исполненію предпринятаго злаго намѣренія. *Обманутый такимъ образомъ*, пришедшій въ полный разсудокъ, *самъ останется за это благодаренъ*; а въ противномъ случаѣ онъ будетъ имѣть право обвинять неосторожно открывшаго ему истину, какъ своего соблазнителя и соучастника въ его преступленіи.

3) Кто по малодушію, безъ всякаго требованія, неосторожно и безразсудно открывъ другому истину, дѣлаетъ несчастнымъ невиннаго, тотъ не можетъ избѣгнуть *справедливыхъ упрековъ совѣсти*. Онъ предъ Богомъ и людьми не колеблясь долженъ признать своею обязанностію *не только скрывать истину отъ людей находящихся не въ здравомъ умѣ, безразсудныхъ, или ослѣпленныхъ и уже готовыхъ къ совершенію злодѣянія; но и сообщать имъ только такія понятія, которыя сообразны съ расположеніемъ ихъ духа и потому нравственно добры и спасительны.*

§ 13.

Ложь въ собственномъ смыслѣ.

Совсѣмъ иначе должно судить о *лжи* въ собственномъ значеніи, то есть какъ о *вымыслѣ, состоящемъ въ свободномъ превращеніи мыслей и выдаваемомъ за истину*, къ чему могутъ служить поводомъ легкомысліе, суетность, хвастовство, пристрастіе, своекорыстіе, страхъ, или затруднительное положеніе. Здѣсь опасеніе, чтобы истина не была употреблена во зло, не можетъ служить извиненіемъ, потому что ложь, противная закону, оскорбляющая кого нибудь, или служащая къ пагубѣ, ложь низкая, безстыдная, бываетъ непосредственнымъ источникомъ другихъ худыхъ поступковъ и прямо противорѣчитъ правиламъ нравственности. Первая ложь есть первый шагъ къ паденію, такъ какъ съ другой стороны правдивость, честность и неподдѣльность въ мышленіи и хотѣніи

служатъ твердыми основаніями добродѣтельнаго характера.

Одно опасеніе, дабы другіе не поняли истины превратно, или не употребили ее во зло, не можетъ дать намъ права скрывать отъ нихъ свои настоящія мысли, или выдавать имъ за истину то, чего мы не почитаемъ за истину; ибо если они находятся въ здравомъ умѣ и свободно могутъ пользоваться своимъ разсудкомъ: то злоупотребленіе свободою будетъ ихъ вина, а не наша. Мы сообщили имъ истину съ добрымъ намѣреніемъ, только они сдѣлали изъ ней худое примѣненіе. Противно разуму дѣлать дѣйствительное зло въ предотвращеніе возможнаго зла. Если самъ Богъ по своей мудрости допускаетъ злоупотребленіе разума и свободы: то весьма безразсудно съ нашей стороны хотѣть воспрепятствовать оному ложными мыслями, или ложью предотвращать несправедливость. Ложью мы называемъ *намѣренный вымыслъ, произвольно искажающій истину, когда другіе ожидаютъ и должны ожидать ея*; слѣдовательно здѣсь предполагается произвольное и умышленное превращеніе мыслей; мы говоримъ съ людьми свободными, разумными, способными и готовыми къ нравственно-доброму образу дѣйствованія; наши мысли, сужденія, мнѣнія и совѣты безспорно могутъ имѣть вліяніе на образъ ихъ мыслей, на ихъ добродѣтель, благополучіе и не-

счастіе. Если же мы можемъ имѣть такое дѣйствіе на другихъ въ нравственномъ мірѣ, то всякая ложь безъ различія не только не извинительна, но вообще достойна презрѣнія. Мы увидимъ это изъ слѣдующаго:

1) Самые *источники лжи нечисты.* Отъ чего люди большею частію лжецы? Отъ того, что они *легкомысленно* бросаютъ слова свои на вѣтеръ; что по своему *малодушію* и ласкательству они хотятъ нравиться другимъ и снискать ихъ благорасположеніе; что *обманываютъ* ихъ, завлекаютъ въ свои сѣти и заставляютъ дѣйствовать сообразно съ своими выгодами; что *суетность* и нравственное ничтожество покрываетъ густымъ мракомъ ихъ собственную совѣсть; что они *обманываютъ* самихъ себя и тщеславятся небывалыми великими подвигами; что себѣ, или своимъ близкимъ хотятъ доставить *незаслуженное* достоинство, или свои *товары* сбыть за чрезмѣрно *высокую цѣну;* что одну ложь хотятъ *поддержать другою*, или избавиться отъ угрожающей *затруднительности, нужды* и *опасности.* Привычка говорить неправду, проистекающая изъ самаго обыкновеннаго эгоизма, уже по своему происхожденію не достойна человѣка и заслуживаетъ презрѣніе.

2) *Всякая ложь противна закону*, или противорѣчитъ самой себѣ въ своемъ правилѣ и сама себя уничтожаетъ. Если признать позво-

лительною умышленную неправду, то должно прекратить вовсе словесное сообщеніе съ другими; въ такомъ случаѣ нельзя было бы ни съ кѣмъ вступать въ союзъ для достиженія общественной цѣли, ни заключить съ кѣмъ либо договора, ни вѣрить чьему либо обѣщанію; тогда бы потеряло свою силу всякое письменное обязательство, всякое авторское сообщеніе истины, всякое религіозное поученіе; въ каждомъ человѣкѣ, изливающемъ предъ Богомъ свою благоговѣйную молитву, мы видѣли бы только обманщика и ласкателя; клятва не связывала бы ни чьей совѣсти и человѣческое общество разрушилось бы. Даже, что всего прискорбнѣе, каждый человѣкъ, растерзавъ единство своего разумнаго сознанія и признавъ позволительнымъ противорѣчіе съ самимъ собою, потерялъ бы чувство своего достоинства и уваженія къ самому себѣ и, обремененный собственнымъ стыдомъ и поношеніемъ, влачилъ бы жизнь, какъ обманчивый призракъ духа и разума. Посему всякая ложь

3) *Оскорбительна* для другихъ, потому что они имѣютъ неотъемлемое право знать все то, что *должно* случиться въ нравственномъ мірѣ, такъ какъ и то, что въ немъ *случилось* и *ежедневно случается*. Все, что должно случиться въ немъ, составляетъ обязанность для насъ и для другихъ, слѣдовательно не можетъ и не должно быть скрываемо отъ насъ; потому что область разума безконечна и обязан-

ность одного человѣка всегда измѣряетъ обязанность другаго, которая служитъ для него правиломъ и образцемъ. Начальство, не имѣющее обязанностей, не можетъ требовать никакой обязанности повиновенія отъ своихъ подчиненныхъ. Но такъ какъ всякое свободное дѣйствіе другихъ есть или хорошо, или худо; то оно находится съ моимъ дѣйствіемъ во взаимномъ отношеніи, и на мою свободу и добродѣтель имѣетъ такое же вліяніе, какое имѣютъ явленія въ физической природѣ, напримѣръ, хорошая, или худая погода, на мое тѣлесное здоровье. Какъ я имѣю право узнавать всѣ естественныя событія на землѣ, если только симъ самымъ не нарушаю свободы другаго; такъ же точно имѣю право изслѣдывать исторію прошедшаго и настоящаго времени, только бы я не препятствовалъ свободѣ и нравственнымъ цѣлямъ другихъ. Теперь, кто говоритъ мнѣ ложь, все равно, будетъ ли это въ публичныхъ донесеніяхъ и бюллетеняхъ, или въ ложныхъ извѣстіяхъ, газетныхъ объявленіяхъ, ежедневныхъ разговорахъ и дружескихъ бесѣдахъ, тотъ нарушаетъ мое, если не внѣшнее, такъ внутреннее право на истину (*πασα ψυχη ακουσα στερεῖται της ἀληθείας. Платонъ* у Арріана dissertat. c. 28.) и рано или поздо будетъ изобличенъ въ обманѣ. Сверхъ того ложь

4) *Пагубна,* потому что она переселяетъ человѣка изъ дѣйствительнаго міра въ мечтательный и вымышленный, и волѣ его даетъ

превратное направленіе. Относительно ложнаго ученія и ложныхъ началъ это очевидно: ибо если бы кто нибудь ложно сказалъ другому, что злые духи управляютъ міромъ; то должно бы было всего опасаться отъ этой неправды. Къ счастію прошивуядіе сей сумасбродной мысли находится въ самомъ разумѣ; потому что въ немъ есть идеи, а въ нихъ — всеобщія начала истины, которыя не допускаютъ укорениться въ человѣкѣ заблужденію. Но и вымышленные факты также довольно вредны, потому что люди принимаютъ ихъ на вѣру и будучи обмануты должны вмѣстѣ съ нѣмъ подвергаться опасности. Посему ложь также

5) *Презрѣнна*, даже въ мнѣніи тѣхъ людей, которые не такъ строго судятъ объ истинѣ. У древнихъ писателей обезславлены за лживость Критяне, Фригійцы и Кареагеняне, рабы и безчестныя женщины. Тотъ же самый порокъ и нынѣ подаетъ поводъ Брешонцу говорить о Гасконцѣ, Турку о Грекѣ и Армянинѣ съ большимъ презрѣніемъ. Нѣкогда у Французовъ и Нѣмцевъ ничто не было такъ оскорбительно для чести, какъ обличить кого нибудь во лжи (donner un démenti); потому что въ этомъ упрекѣ не безъ причины полагали униженіе всего характера. Въ Новомъ Завѣтѣ лицемѣріе Фарисеевъ потому представлено въ столь презрѣнномъ видѣ, что они были лжецы и говорили противъ своего убѣжденія. Сверхъ того

6) Всѣмъ народамъ извѣстно, что *лжецъ безстыденъ;* ибо человѣкъ, еще чуждый этого порока, невольно отъ него краснѣетъ и смѣло произноситъ ложь только тогда, когда уже благороднѣйшее чувство стыдливости въ немъ бываетъ подавлено и истреблено. Истина есть стихія нашего духа и умышленное искаженіе оной производитъ въ сердцѣ замѣшательство, робость и стыдъ. Человѣкъ чувствуетъ во глубинѣ своего духа, что ложь есть самоубійство души его. Посему не безъ причины назвали ее

7) *Началомъ всѣхъ грѣховъ и пороковъ.* Кто способенъ говорить ложь, тому легко сдѣлаться обманщикомъ и воромъ; это не трудно понять изъ тѣснаго родства этихъ пороковъ. Также легко можно доказать и переходъ отъ лжи къ соблазненію невинности, къ запирательству, къ измѣнѣ другу и отечеству, къ нарушенію супружеской вѣрности, къ клятвопреступленію и многимъ подобнымъ порокамъ. Посему образованіе человѣка въ добродѣтели всегда должно начинать внушеніемъ ему обязанности быть правдивымъ; только непримиримый врагъ лжи и обмана можетъ пріобрѣсти нравственное достоинство характера.

§ 14.

О сообщеніи истины.

Выше изложенный нравственный

законъ въ положительномъ отношеніи содержитъ слѣдующую заповѣдь: *будь всегда готовъ наставлять другихъ и чистосердечнымъ сообщеніемъ истины быть для нихъ полезнымъ.* Каждый человѣкъ *можетъ* это дѣлать по мѣрѣ своихъ силъ, если только онъ имѣетъ доброе расположеніе исправлять погрѣшности другаго, во всѣхъ отношеніяхъ жизни расширять кругъ его свѣдѣній и не скрывать отъ него пріобрѣтенной опытности и убѣжденій. Кто *рѣшился* на это, тотъ долженъ приступать къ дѣлу безъ самолюбія, съ извѣстною увѣренностію въ собственномъ сужденіи, откровенно, безкорыстно, осторожно и съ кроткимъ расположеніемъ, дабы его наставленія имѣли нравственное достоинство. Въ этой обязанности нельзя сомнѣваться, потому что всякое добро можетъ быть сообщаемо; отъ правильнаго понятія зависитъ не только благодѣяніе, но добродѣтель и благородство человѣчества; мудрѣйшіе и благороднѣй-

шіе мужи всѣхъ временъ служатъ намъ въ семъ случаѣ поучительнымъ примѣромъ; а при постоянномъ измѣненіи тьмы, въ цѣломъ и въ недѣлимыхъ, можетъ открыться еще много спасительныхъ явленій для просвѣщенія рода человѣческаго.

Въ положительномъ правилѣ: *охотно наставляй своихъ ближнихъ*, выведенномъ изъ обязанности образовать другихъ, должно обращать вниманіе частію на *предметъ* наставленія, частію на *способъ*, частію наконецъ на побуждающія насъ къ тому *причины*. Что касается до перваго пункта, то все познаваемое должно быть *предметомъ* нравственнаго сообщенія, потому что всякій вѣрный взглядъ на природу и цѣль вещей имѣетъ благодѣтельное вліяніе на добродѣтель и счастіе людей. Сверхъ того, никто, одаренный разумомъ, не лишенъ совершенно истины; напротивъ всякой, по индивидуальности своихъ способностей и своего состоянія, имѣетъ обязанность и случай постигать ее и сообщать другимъ свои объ ней познанія. Только въ семъ случаѣ онъ непремѣнно долженъ имѣть доброе расположеніе:

1) Вообще *дѣлиться запасомъ* своихъ *наблюденій* и *познаній*. И необразованный поселянинъ можетъ указать путешественнику дорогу, предостеречь его отъ опасностей ручья, или рѣки,

онъ вреднаго плода, или пищи. Человѣкъ скрытный, или не принимающій участія въ другомъ въ подобныхъ симъ случаяхъ, всегда показываетъ недостатокъ въ любви къ человѣчеству, который достоинъ порицанія и презрѣнія. Также

2) Каждый довольно часто можетъ имѣть случай *исправлять погрѣшности* другаго, будутъ ли онѣ касаться его здоровья, званія, общежительныхъ связей, или нравственнаго и религіознаго образованія. Каждый человѣкъ, даже ученый и образованный, имѣетъ *нѣкоторые* предразсудки въ образѣ и порядкѣ своей жизни, въ успѣхѣ своихъ домашнихъ и общественныхъ занятій, въ предзнаменованіяхъ и предчувствіяхъ касательно будущаго, — неосновательность коихъ могъ бы показать ему самый послѣдній слуга въ его домѣ.

3) Каждый въ своемъ званіи, во время своихъ путешествій и переходовъ съ одного мѣста на другое, собственными опытами и наблюденіями, или зрѣлымъ размышленіемъ можетъ *пріобрѣсти познанія*, которыхъ другой не имѣетъ и сообщеніемъ коихъ онъ можетъ быть ему полезенъ. Не только всѣ науки, но и всѣ искусства, ремесла и другія пріобрѣтаемыя навыкомъ познанія имѣютъ конечную высшую связь между своими цѣлями, и потому способны дать волѣ полезное и даже нравственное направленіе. Посему кто открылъ для жизни какую нибудь пайну, какой нибудь новый взглядъ, или сдѣлалъ новый опытъ, тотъ не

долженъ скрывать сихъ пріобрѣтеній, или уносить ихъ съ собою въ могилу. Каждое новое открытіе въ области познанія назначено не для насъ однихъ, но для цѣлаго человѣчества.

4) Особенно важный предметъ для сообщенія составляетъ то, что относится къ *жизни домашней, гражданской, нравственной и религіозной.* Каждый опытный хозяинъ дома можетъ открыть своему другу и повѣренному богатый запасъ познаній и наблюденій объ управленіи собственностію и имуществомъ; каждый супругъ и отецъ — о семейственныхъ дѣлахъ и воспитаніи; каждый внимательный гражданинъ — о совершенствахъ и недостаткахъ общественнаго управленія: наконецъ каждый добросовѣстный и благородный человѣкъ — о своемъ личномъ образованіи въ царствѣ вѣры и добродѣтели.

. . . . . .

Но если и вещественныя благодѣянія должны быть раздѣляемы съ благоразуміемъ, то тѣмъ болѣе при семъ сообщеніи умственныхъ предметовъ должно обращать вниманіе на *образъ,* какимъ они могутъ быть передаваемы другимъ, при свободномъ размѣнѣ мыслей. Въ семъ случаѣ необходимо должно поступать:

1) Безъ всякаго *самолюбія,* дабы настойчивымъ и надменно-поучительнымъ тономъ не унизить, или не оскорбить другаго. Учители и проповѣдники, ученые и писатели часто бываютъ подвержены сему искушенію и отъ того вошли въ пословицу; они вездѣ видятъ только дѣтей,

учениковъ и мірянъ, и даже среди друзей, или въ кругу общества, говорятъ какъ съ каѳедры. А симъ самымъ и другихъ, хотя бы они въ самомъ дѣлѣ имѣли нужду въ наставленіи, подстрекаютъ только къ насмѣшкамъ, или пренебреженіямъ. Чѣмъ драгоцѣннѣе злато истины, тѣмъ больше мы обязаны имѣть уваженіе къ его высокому достоинству и давать оное нуждающимся, безъ подѣлки и безъ всякой примѣси эгоизма. Посему также

2) Должно быть увѣрену въ *правильности* своего *сужденія* и своихъ *познаній*, дабы не сдѣлаться учителемъ тамъ, гдѣ еще самому должно учиться. Опасности самообольщенія здѣсь очень велики. Иной воображаетъ, что онъ прояснилъ для себя какую нибудь новую идею, открылъ новую истину, создалъ новую систему, область вѣры обогатилъ новымъ изъясненіемъ Писанія, или высшимъ откровеніемъ; а въ самомъ дѣлѣ онъ обманутъ собственнымъ самолюбіемъ, суемудріемъ и заблужденіемъ. Потому кто хочетъ учить другихъ, тотъ прежде всего самъ долженъ знать свое дѣло, или по крайней мѣрѣ ограничиться только тѣмъ, въ чемъ онъ самъ несомнѣнно твердо убѣжденъ. Не менѣе нужно также приступать къ дѣлу

3) Съ *чистосердечіемъ* и *откровенностію*, не утаивая ничего, что другой можетъ и долженъ знать. Кто говоритъ о предметахъ извѣстныхъ, или по крайней мѣрѣ не превышающихъ обыкновеннаго ума, какъ о тайнахъ; кто

самъ ни къ кому не имѣетъ довѣренности, а между тѣмъ требуетъ ея отъ другихъ, и сею то именно скрытностію обнаруживаетъ какое нибудь тайное намѣреніе, или пагубный планъ: тотъ конечно имѣетъ въ виду не наставленіе другихъ, а свою собственную выгоду. Гораздо лучше съ угрюмымъ видомъ молчать, нежели полуоткровенностію искажать истину и сѣять ее, какъ испортившееся сѣмя, на чужой землѣ. Особенно другъ истины

4) Не долженъ быть *корыстолюбивымъ*, въ собственномъ значеніи слова. Отказъ другимъ въ утѣшительномъ словѣ, въ добромъ совѣтѣ касательно ихъ занятій, или въ цѣлебномъ пособіи, показаніе котораго для врача стоитъ только нѣсколькихъ словъ, всегда бываетъ признакомъ явной жестокости, или недостатка любви. Когда авторы писали только для просвѣщенія и облагороженія человѣчества и для расширенія круга наукъ; тогда ихъ книги переходили къ потомству и имена даже въ позднихъ вѣкахъ были произносимы съ благодарностію и благоговѣніемъ. А теперь, когда авторство сдѣлалось ремесломъ, самъ авторъ— наемникомъ, безсмертіе писателей, такъ какъ и слава ихъ ученія, исчезаютъ прежде ихъ твореній. Еще очень сомнительно, гдѣ больше совершенствуется наука, въ нѣдрахъ ли роскоши, или въ безбѣдности, если не въ скудости; по крайней мѣрѣ несомнѣнно то, что наука, дабы заслужить честь и славу, должна быть

безкорыстна и благородна. Во всякомъ же случаѣ успѣшное наставленіе должно быть всегда соединено

5) Съ *мудрою предусмотрительностію*. То, что называютъ предлежащельною истиною, въ существѣ есть не иное что, какъ высшее совершенство необходимаго познанія. Кто постигъ истину, тотъ реальностію своихъ познаній достигъ той творческой духовной жизни, которая повелѣваетъ природою, собственною волею и наконецъ умами другихъ. Но какъ низко стоитъ Самоѣдъ въ сравненіи съ обыкновеннымъ Европейцемъ, а сей послѣдній въ сравненіи съ Кантомъ, Лейбницомъ, Ньютономъ! Посему кто хочетъ наставлять другихъ, тотъ долженъ строго сообразоваться съ ихъ образованіемъ, дабы свѣтъ истины съ надлежащей точки и въ надлежащей силѣ доходилъ до ихъ духовнаго ока. Наконецъ истины, коими хотятъ вооружаться противъ предразсудковъ и страстей человѣческихъ,

6) Должно сообщать съ *кротостію*, не теряя мужества отъ безпечности другихъ и не огорчаясь ихъ противорѣчіемъ. Безпечность имѣетъ свое основаніе въ страстяхъ людей и въ ихъ превратномъ образѣ мыслей. Но духъ противорѣчія можетъ быть также доказательствомъ размышленія и похвальнаго сомнѣнія, какъ упорства и самолюбія. Посему хотя не должно силою навязывать истину другимъ, но не должно ослабѣвать и въ защитѣ ея, не до-

жно пересѣвать сѣять ея плодоносныя сѣмена въ сердца своихъ брапьевъ.

Кпо не предубѣжденъ, пому *сами собою представляются основанія, обязывающія* къ тому человѣка. Все *доброе можно сообщать;* почему же мы спанемъ скрывать истину, которая, какъ дневный свѣтъ, должна сіять для всѣхъ людей? Только посредствомъ *истины* можно *оказать помощь человѣчеству.* Непросвѣщенные и грубые люди всегда поступаютъ безправственно; а люди образованные, хотя не всегда бываютъ добродѣтельны, но всегда могутъ быть шаковыми. Безъ яснаго познанія предметовъ и безъ духовнаго образованія нѣтъ ни *семейственнаго,* ни *гражданскаго* счастія. Необразованный и суевѣрный человѣкъ едва умѣетъ пользоваться богатыми дарами природы; тѣмъ менѣе можетъ онъ быть довольнымъ ими и наслаждаться своею жизнію. Благороднѣйшіе мудрецы древности были всегда *учителями,* которые, какъ напримѣръ Сократъ, Платонъ, Пиѳагоръ, Сенека, Антонинъ и другіе, просвѣщали своихъ современниковъ и старались возвысить ихъ нравственное достоинство.

Цолликофера шесть проповѣдей. Warnung vor dem Missbrauche der Wahrheit, въ его Warnungen vor einigen herrschenden Fehlern unseres Zeitalters. Leipzig, 1788, стр. 209 с.л.

§ 15.

О терпимости въ отношеніи къ различнымъ мнѣніямъ.

Ежели наставленіе не имѣетъ своего дѣйствія; то мы должны имѣть *терпимость*, или снисхожденіе къ безвреднымъ мнѣніямъ и вѣроисповѣданіямъ, какъ въ отношеніи къ *цѣлымъ обществамъ*, такъ и къ *особеннымъ лицамъ*; но терпимость въ семъ послѣднемъ случаѣ по своей природѣ бываетъ свободнѣе и безпристрастнѣе первой. Противорѣчащія мнѣнія о терпимости въ жизни людей выражались крайностями: одни говорили, что всякая система безразлична, а другіе, что одна только должна быть допущена и можетъ быть полезна. Но истина заключается въ срединѣ. Здѣсь дѣло идетъ не о терпимости въ отношеніи къ истинѣ, потому что она имѣетъ право господствовать вездѣ свободно и открыто; а также и не о терпимости въ отношеніи къ вреднымъ для общества и

правовъ началамъ и ученіямъ, которыя вездѣ должны быть искореняемы: но о снисхожденіи къ тому, что другіе съ добрымъ намѣреніемъ почитаютъ за истину и что не можетъ имѣть вредныхъ послѣдствій; о снисхожденіи къ различнымъ мнѣніямъ и вѣроисповѣданіямъ, не препятствующимъ благоденствію и просвѣщенію сограждань; даже къ безвреднымъ предразсудкамъ, странностямъ и недостаткамъ, кои неразлучны съ свободнымъ развитіемъ человѣческаго духа. А къ этой *терпимости* мы всѣ *обязаны:* потому что никто не имѣетъ права полагать границы духу человѣческому въ его образованіи; мы сами имѣемъ право на это снисхожденіе и нужду въ немъ для себя самихъ и нашихъ приближенныхъ; никакое человѣческое познаніе не можетъ назваться совершеннымъ; разнообразіе мнѣній способствуетъ образованію человѣческаго духа; каждый за свои понятія объ истинѣ долженъ отвѣтствовать только Богу и своей совѣ-

сти; благодеяніе государствъ и семействъ возможно только подъ условіемъ терпимости; самая Христіанская религія внушаетъ намъ терпимость ученіемъ и примѣрами.

Послѣднее правило разбираемаго здѣсь нравственнаго закона, *терпи пошлый образъ мыслей и слабости другихъ*, ведетъ къ добродѣтели, границы коей трудно опредѣлить, потому что она занимаетъ средину между упорнымъ своенравіемъ и не признающимъ никакого закона индифферентизмомъ. Терпимость есть *снисходительность къ особеннымъ мнѣніямъ и къ образу мыслей другихъ, когда это можетъ быть совмѣстнымъ съ собственнымъ нашимъ образованіемъ и благодѣтствіемъ.* Ибо гдѣ находится упорство въ защищеніи вредныхъ заблужденій и рѣшительно злой умыслъ; тамъ никто не можетъ быть терпимъ, но всякой долженъ быть предоставленъ наказаніямъ правительства, или по крайней мѣрѣ мщенію его совѣсти и жребія. Но терпимость есть или *общественная*, которая раздѣляется на *политическую и религіозную;* или *частная*, которая также бываетъ *семейственная* и *личная*. Терпимость *общественная* есть дѣло правительствъ, кои въ своихъ началахъ не всегда такъ свободно могутъ измѣняться и дѣйствовать, какъ взятый въ отдѣльности человѣкъ и гражда-

нинъ; потому что существующія постановленія и формы часто имъ препятствуютъ допустить чужія мнѣнія. Фридрихъ Великій и Іосифъ II оба имѣли терпимость въ высшей степени, и однако же они не позволяли ультралибераламъ своихъ государствъ принимать начала какого нибудь Брута; напротивъ въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ не позволяется и не можетъ быть позволено словомъ и письмомъ распространять начала противныя республиканскому ихъ образу правленія. Впрочемъ поелику самыя политическія учрежденія подлежатъ измѣненію; то и общественная терпимость зависитъ отъ разнообразныхъ условій. По этой причинѣ въ Правоученіи касательно такого рода терпимости можно положить только общія начала и опредѣленія. Напротивъ *частная* терпимость гораздо свободнѣе и неограниченнѣе. Протестанту никто не можетъ препятствовать въ свободномъ образованіи его семейства (liberale Bildung), въ доставленіи членамъ онаго книгъ, которыми тѣшится суевѣрный, и въ произвольномъ назначеніи часовъ молитвы, взять жену Католическаго, Реформатскаго, Уніятскаго или другаго исповѣданія, также вступать въ дружественныя связи съ лицами другой религіи. Еще свободнѣе человѣкъ взятый въ отдѣльности, по крайней мѣрѣ относительно своихъ началъ и правилъ; и такъ какъ сіи правила касаются, или, по крайней мѣрѣ въ дѣйствительной жизни, могутъ

касаться не столько гражданскихъ, сколько нравственныхъ и религіозныхъ отношеній, то они должны быть выведены также изъ начала религіознаго. Въ такомъ случаѣ прежде всего представляется человѣку слѣдующій вопросъ: прилично ли приписать нетпмость Существу Верховному, или нѣтъ? — «Отецъ Небесный дол-«готерпѣливъ, многомилостивъ, попускаетъ вос-«ходить своему солнцу надъ добрыми и злыми «и каждому мнѣнію позволяетъ распростра-«няться, говоритъ свободно-мыслящій; посему «и я не буду дѣлать различія между заблу-«ждающимся и православнымъ, между почита-«телемъ истиннаго Бога и безбожникомъ, но «буду оставлять ихъ въ покоѣ, если только «они не будутъ вредить моей гражданской сво-«бодѣ.»

Такъ говорятъ индифферентисты и ультралибералы, которые хотятъ предоставить каждому полную свободу говорить, учить и писать, что ему угодно; язычникамъ, Іудеямъ и Туркамъ, какому нибудь Карпократу и Манесу, Томасу Мюнцеру и Іоанну Лейденскому даруютъ ту же самую свободу и право въ государствѣ и въ Церкви, какъ Христіанамъ Евангелическимъ. Они думаютъ, что долготерпѣніе Божіе, которое только щадитъ заблуждшаго и слабаго, а не заблужденіе и порокъ, оправдываетъ человѣческое развращеніе и испорченность; или что заблужденіе, невѣріе, суевѣріе и безуміе уже *сами въ себѣ* имѣютъ безусловное право

укорениться и распространяться между людьми! Политика, право формальное и право церковное безъ истины, долга и вѣры суть пустыя слова. Нѣтъ, говорятъ другіе, Богъ по Своей святой и нераздѣльной природѣ есть существо, совершенно не терпящее заблужденій (Suite de Souvenirs par Madame Genlis, p. 357 s.); онъ хочетъ одной истины, одной вѣры, одной религіи; а посему всѣ лжеучители, ереники и чародѣи должны быть искоренены и уничтожены. И такъ безусловная терпимость въ государствѣ и Церкви, равно какъ въ семейственной и общественной жизни, столько же гибельна, какъ и упорное ханжество, излишняя ревность въ дѣлахъ наукъ, политики, нравственности и религіи. Но разсуждая о терпимости въ собственномъ смыслѣ, мы не будемъ говорить здѣсь 1) о *терпимости истины;* ибо она имѣетъ внутреннее, самимъ Богомъ ей предоставленное, право повсюду являться свободною и непокровенною, право, котораго можетъ лишить ее одно только невѣжество, боязливость и несправедливость людей. —2) Равнымъ образомъ *заблужденіе само по себѣ* ни какъ не должно быть терпимо. Посему правительство съ такою же строгостію должно останавливать проповѣданіе смертоубійства, мятежей и преграждать свободный ходъ общевреднымъ и безнравственнымъ сочиненіямъ, съ какою оно запрещаетъ продажу вредныхъ съѣстныхъ припасовъ. Такъ въ Аѳинахъ сожигали безбожныя

книги Протагора (Diogenes Laërtius in vita Protagorae); въ Римѣ апокрифическія сочиненія Нумы (Liv. XL, 29), въ Константинополѣ книги Арія (Socrates H. E. I. 9), въ Іерусалимѣ и Антіохіи сочиненія Павла Самосатскаго. 3) Терпимость особенно имѣетъ мѣсто относительно различныхъ *формъ* истины, какъ въ области знанія, такъ равно въ области вѣры; ибо наше знаніе есть знаніе несовершенное; мы никогда не постигаемъ истину совершенно и чисто, но всегда только въ отрывкахъ и притомъ съ примѣсью нашихъ собственныхъ подлежательныхъ взглядовъ. Нравственная система Стоиковъ и Епикурейцевъ столь же противоположны одна другой, какъ система Канта и Евдемонистовъ: при всемъ томъ ни одна изъ нихъ не можетъ почесться совершенно истинною, ни совершенно ложною; но каждая разсматриваетъ съ особенной только стороны высочайшее благо, о которомъ разсуждается въ ихъ нравоученіи. И такъ, если какія нибудь сужденія не могутъ быть подозрительны, или опасны какъ для гражданскихъ, такъ и для нравственныхъ отношеній; то они имѣютъ право на снисхожденіе и должны быть терпимы. 4) *Нельзя иногда не имѣть снисхожденія къ странностямъ и особенностямъ характера, къ предразсудкамъ и слабостямъ.* Мы, какъ существа чувственно-духовныя, живемъ въ области совершенныхъ противоположностей, такъ что даже и тогда, когда мы свободно стремимся къ свѣту, намъ

всегда сопутствуетъ какой-то мракъ и туманъ. Посему всякій, кто хочетъ видѣть около себя людей, долженъ почитать насъ таковыми, каковы мы въ самомъ дѣлѣ, долженъ представлять насъ со всею нашею духовною атмосферою.

Нѣтъ ни одного человѣка, который бы самъ *не имѣлъ нужды* въ снисхожденіи другихъ и который бы каждый день не дѣлалъ какой либо ошибки, или не произнесъ ложнаго сужденія. Въ семействахъ и въ гражданскомъ обществѣ, *согласіе*, *миръ* и *благосостояніе* поддерживаются одною только уступчивостію. Терпѣніе, сказалъ Фридрихъ Великій, есть нѣжная мать, заботящаяся о своихъ дѣтяхъ, воспитывающая и образующая ихъ; напротивъ нетерпѣніе есть фурія, разрушающая счастіе семействъ и цѣлыхъ государствъ. Христіанство есть религія любви, благорасположенія и терпѣнія; гнушающаяся всякою безумною неистовою ревностію и всякимъ господствомъ надъ совѣстію.

ОТДѢЛЕНІЕ IV.

Обязанность печись о благосостояніи ближняго.

§ 16.

Уваженіе собственности, хищничество.

Четвертый родъ обязанностей къ ближнему заключается въ слѣдую-

щемъ законѣ: *не только остерегайся нарушать счастіе другихъ, но сколько возможно, смотря на ихъ достоинства, старайся поддержать и возвысить оное.* Относительно внѣшнихъ благъ ближняго, можно достигнуть этого посредствомъ честности, или уваженія къ чужой собственности, какъ самымъ дѣломъ, такъ и мыслію. Сей обязанности противополагается хищеніе, или насильственное нарушеніе чужаго права собственности.

Подъ благоденствіемъ другихъ мы разумѣемъ совокупность пріятныхъ ощущеній и чувствованій, которыя доставляетъ намъ свободное наслажденіе внѣшними благами. Сіи блага частію состоятъ въ законномъ обладаніи *собственностію*, частію въ притязаніяхъ на заслуженное *уваженіе* и *честь*, и наконецъ, если это бываетъ необходимо, въ участіи, которое мы должны принимать въ общественныхъ удовольствіяхъ и радостяхъ. Не только не должно оскорблять и нарушать сего жизненнаго благополучія ближняго; но напротивъ, смотря по его нравственному достоинству, должно поддерживать и споспѣшествовать ему, что достигается только разумною любовію и до-

брымъ расположеніемъ. Право ближняго на внѣшнія блага уже нарушается, коль скоро мыслію, или самымъ дѣломъ, мы обнаруживаемъ *непозволительныя на нихъ притязанія*. — Желаніе имѣнь все что намъ нравится, какъ и влеченіе самолюбія, глубоко лежатъ въ нашей природѣ и требуютъ особеннаго напряженія силъ ума и воли для того, чтобы не сдѣлаться порочнымъ. Хищеніе есть насильственное отнятіе чужой собственности, или какой несправедливый поступокъ, который первоначально происходитъ отъ слѣпаго жаднаго корыстолюбія, а потомъ уже отъ попери уваженія къ личности другаго и къ его праву собственности. Это преступленіе совершается:

а) *Непосредственно*, въ видѣ обыкновеннаго грабежа, какъ дѣлаютъ многіе, начиная съ дровосѣка на Мысѣ Доброй Надежды до Англійскаго горнаго разбойника, который довольствуется только тѣмъ, что безъ дальнѣйшаго насилія помощію однихъ угрозъ съ смертоноснымъ орудіемъ въ рукахъ, или помощію другихъ побудительныхъ средствъ, отнимаетъ у путешественниковъ ихъ деньги.

b) *Посредственно*, чрезъ удержаніе заслуженной платы, или неудовлетвореніе за оказанныя услуги и труды. Это обыкновенно дѣлаютъ тѣ, которые не платятъ своихъ долговъ.

§ 17.

О воровствѣ, обманѣ и вѣроломствѣ.

Долгъ уваженія собственности нарушается также *воровствомъ*, *обманомъ* и *вѣроломствомъ*. *Воровство* есть тайное похищеніе чужой собственности; оно производится *непосредственно* взятіемъ оной во время отсутствія другаго; или *посредственно* — утаеніемъ украденнаго и небрежнымъ возвращеніемъ даннаго въ займы и найденнаго. *Обманъ* есть пріобрѣтеніе чужой собственности посредствомъ обольщенія другаго; сюда принадлежатъ ложныя монеты, ложные векселя, письма, патенты, худые и поддѣльные товары, хитростію снискапные кредиты, вымышленныя болѣзнь, бѣдность и нужда въ помощи, или ложные договоры, также мнимое предостереженіе другихъ отъ убытка. Наконецъ *вѣроломство* есть нарушеніе права, пріобрѣтеннаго другимъ въ слѣдствіе заключеннаго съ нами договора, неисполненіемъ даннаго слова.

Впрочемъ здѣсь должно предполагать, что данное обѣщаніе имѣетъ предметомъ своимъ цѣль нравственно-возможную, что оно сдѣлано съ обдуманностію и въ слѣдствіе знанія дѣла, и что предметъ обѣщанія, прежде нежели оно исполнится, не претерпѣваетъ никакой существенной перемѣны, которой бы обѣщающій или не предвидѣлъ, или не имѣлъ въ своей власти.

Далѣе человѣкъ поступаетъ вопреки уваженію къ собственности, если онъ крадетъ (per furtum), или тайно похищаетъ чужое и никѣмъ не охраняемое сокровище. Собственно воръ есть тотъ, кто совершаетъ похищеніе тайно и въ отсутствіи хозяина; а иногда и въ присутствіи его, но только въ такомъ случаѣ, когда онъ, по причинѣ отдаленности, или другаго препятствія, не въ состояніи бываетъ оберегать и защищать своей собственности. Если сопротивленіе законнаго владѣтеля уступаетъ насилію, то воровство превращается въ разбойничество. Насильственныя вторженія еще не составляютъ разбойничества; ибо хотя преступленіе вора дѣлается чрезъ то болѣе достойнымъ наказанія, однако жъ онъ тогда только можетъ назваться разбойникомъ, когда

нападаетъ на самаго владѣтеля и, преодолѣвъ его, дѣлаетъ для него невозможною защиту собственности. Но всякое воровство бываетъ или *непосредственное*, или *посредственное*. Въ послѣднемъ преступленіи дѣлаются виновными тѣ, которые или *находятся въ связи съ ворами*, или утаиваютъ и покупаютъ украденное, или найденное считаютъ своею собственностію, не ища настоящаго владѣльца. Нерадѣніе о возвращеніи даннаго въ займы дѣлается также посредственнымъ воровствомъ, если кто съ намѣреніемъ такъ долго медлитъ, что хозяинъ данной вещи лишается тѣмъ на нее своего права. Обманутъ (fraus) вообще значитъ провести другаго словомъ, или дѣломъ; и потому обманъ бываетъ вездѣ, гдѣ только есть *ложь*. Если же ложь имѣетъ цѣлію корысть; то она превращается въ обманъ въ тѣснѣйшемъ смыслѣ слова (dolus, crimen falsi, stellionatus), или въ пріобрѣтеніе чужой собственности посредствомъ намѣреннаго обольщенія. Собственность есть внѣшній предметъ, въ отношеніи къ которому другой обманывается: собственный же предметъ обмана есть лице, которое намѣренно склоняетъ на какой либо убыточный для него договоръ. Потому сколь обширна *область лжи*, столько же обширна и необозрима *область обмана*. Обманываетъ ложною монетою, *непосредственно* тотъ, кто самъ ее дѣлаетъ, или уменьшаетъ ея цѣнность; *посредственно*, кто знаетъ, что она поддѣльная,

однако жъ пускаетъ ее въ обращеніе въ мнимой ея цѣнности, для того только, чтобъ самому онъ нея избавиться. Обманываетъ ложными векселями и росписками въ долгахъ тотъ, кто знаетъ, что ни онъ самъ, ни другой кто либо не можетъ удовлетворить заимодавца. Къ обману относятся ложныя объявленія и грамоты. Обманъ худыми и поддѣльными товарами всякому извѣстенъ. Съ обманомъ весьма сродно *вѣроломство* (perfidia), то есть нарушеніе слова въ исполненіи даннаго обѣщанія, или нарушеніе *договора* (pactum), который означаетъ соединеніе *двухъ*, или *многихъ лицъ* для достиженія общей цѣли, при чемъ предполагается взаимное обязательство. Купля и продажа, долговыя записи, наемъ въ услуги, суть договоры, на точномъ исполненіи которыхъ основывается семейственное и общественное благосостояніе. Впрочемъ многіе договоры заключаются уже съ намѣреніемъ при первомъ случаѣ отъ нихъ отказаться; или же остаются безъ послѣдствія по причинѣ непостоянства человѣческой воли, либо по другимъ достаточнымъ причинамъ къ неисполненію ихъ. Такъ въ *политикѣ* нарушеніе торжественно заключеннаго мира извиняютъ жестокими условіями, которыя побѣдитель иногда возлагаетъ на побѣжденнаго, какъ это сдѣлали Римляне съ Карѳагенянами послѣ второй Пунической войны. По гражданскимъ законамъ образованныхъ государствъ, на уничтоженіе заключеннаго дого-

вора дастъ право существенный вредъ на одной сторонѣ (lesio inormis), или такой обманъ, при которомъ исполняютъ только половину того, что добровольно обѣщаютъ, или также по свойству обстоятельствъ вынужденный насиліемъ договоръ (Löwenvertrag. Liv. IX, 9). — Напротивъ Нравоученіе, къ дѣйствительности даннаго, обѣщанія требуетъ только три существенныхъ признака. Оно должно быть дано 1) съ *обдуманностію и настоящимъ знаніемъ* предмета, или цѣли, для которой кто либо обязывается. Данное въ упоеніи, въ сумасшествіи, въ состояніи обмана (surprise de la religion) и обольщенія, вырванное уговариваніемъ и принужденіемъ, слѣдственно необдуманное и невольное слово не можетъ имѣть для насъ никакой обязательной силы въ то время, когда мы находимся въ состояніи здравомыслія. Далѣе 2) цѣль, съ которою вступаютъ въ договоръ, должна быть *нравственно возможная*, то есть сама въ себѣ не безнравственная и непротивная обязанности. Такъ Иродъ Великій на смертномъ одрѣ своемъ въ Іерихонѣ вымanилъ у своихъ дѣтей торжественное обѣщаніе, непосредственно послѣ его смерти казнить заключенныхъ въ ипподромѣ государственныхъ депутатовъ и тѣмъ принести ему благопріятнѣйшую послѣднюю дань. Но они по праву не исполнили сего обѣщанія и дали свободу депутатамъ, коль скоро кровожадный отецъ закрылъ глаза (*Iosephi* antiquit. Jud. XVIII, 6, 5, 8, 2).

Наконецъ 3) *условія*, на коихъ основывается договоръ, въ теченіе обязательства должны оставаться *тѣ же самыя*, или въ это время не должно быть никакой *существенной перемѣны*, которая бы могла отмѣнить исполненіе даннаго слова. При договорахъ, касающихся до вещей, это само собою очевидно. Богатый благотворитель, обязавшійся на извѣстное время доставлять значительное пособіе для благочестивыхъ цѣлей, потерпѣвъ убытокъ въ своемъ имѣніи, который подвергаетъ опасности содержаніе собственнаго его семейства, справедливо можетъ ограничить свое обѣщаніе по своимъ доходамъ. Но это правило можно примѣнить также и къ договорамъ относительно лицъ, какъ ниже будетъ показано. Во всѣхъ другихъ случаяхъ человѣкъ съ характеромъ никогда не измѣнитъ своему слову; если бы даже исполненіе онаго было для него вредно и обременительно.

§ 18.

О безнравственности сихъ поступковъ и о возвращеніи.

Впрочемъ сколь ни рѣшительно обвиняетъ общее мнѣніе всѣ сіи поступки, однако жъ неуваженіе къ собственности, начиная отъ плутовства въ игрѣ до обмана кредиторовъ, есть

столь общій порокъ, что даже высшія и образованныя состоянія не чужды онаго. Со всѣмъ тѣмъ *хищничество* есть беззаконное нарушеніе общественной и личной безопасности; *воровство* есть тайное насиліе въ удобоперепосимой собственности; *обманъ* есть корыстолюбивая, обольщающая другаго *ложь*; *неуваженіе къ собственности другаго* есть униженіе характера, которое уничтожаетъ всякое притязаніе на уваженіе и честь. Потому, кто сознаетъ себя виновнымъ въ этихъ бездѣльничествахъ, тотъ, если даже избѣжитъ гражданскаго наказанія, долженъ, коль скоро представится возможность, *возвратить* несправедливо пріобрѣтенное во всей цѣлости, потому что одно только задержаніе не есть еще законное обладаніе, и только посредствомъ предварительнаго вознагражденія за убытки истиннаго владѣтеля пролагается путь къ истинному исправленію.

Такъ какъ чувственность людей вообще, по

различію состояній, только утончается, не переставая однако жъ воевать противъ разума и обязанности; то и неуваженіе къ собственности во всѣхъ классахъ общества гораздо болѣе господствуетъ, нежели какъ бы должно было ожидать, при рѣшительной презрительности этого порока. Неуваженіе къ собственности другаго

1) Нарушаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и *основный законъ гражданскаго общества*, который охраняетъ и защищаетъ владѣніе. Потому посяганіе на чужую собственность болѣе или менѣе имѣетъ слѣдствіемъ потерю свободы, общественнаго уваженія и чести.

2) *Грабительство* есть преступное употребленіе силы, которое опасно для личной безопасности, легко ведетъ къ тѣлеснымъ обидамъ и даже къ смертоубійству.

3) *Воровство*, съ дѣйствительнымъ нарушеніемъ права собственности, соединяетъ еще малодушіе, лицемѣрство и хищность, и по мѣрѣ того должно быть наказываемо.

4) *Обманъ*, какъ *ложь*, есть не только оскорбленіе личности другаго, но вмѣстѣ хитростію списканное обладаніе чужимъ сокровищемъ, и потому на него должно смотрѣть, какъ на воровство. Обманщикъ нравственно стоитъ еще ниже, нежели воръ.

Кто вопреки всѣмъ симъ основаніямъ обязанности, какимъ бы то ни было образомъ, посягнулъ на сокровище другаго; тотъ долженъ

прежде всего возвратить несправедливо пріобрѣтенное сокровище и самымъ дѣломъ доказать, что онъ сознаетъ свое преступленіе. Во времена схоластиковъ сему обязательству давали столь обширное значеніе, что требовали безусловнаго возвращенія даже пріобрѣтеннаго въ игрѣ (m. Geschichte der Gomiletik. Göttingen, 1804. B. I. Кар. 27). Но это можетъ быть обязанностію только въ такомъ случаѣ, если обманули другаго, вовлекли его въ непозволенныя игры и ограбили; но возвращеніе незначительныхъ потерь въ общественныхъ играхъ можетъ почесться столь мало сообразнымъ съ обязанностію, что скорѣе можетъ обратиться въ стыдъ тому, кто бы рѣшился его требовать.

§ 19.

О снисходительности и услужливости. Ростъ [illegible] и лихва.

Человѣкъ добрый не только оставляетъ неприкосновеннымъ имущество ближняго, но заботится и о его выгодахъ, какъ при обмѣнѣ съ нимъ собственностію, такъ и при оказываніи взаимныхъ услугъ. Онъ поступаетъ такимъ образомъ частію по *снисходительности* въ сужденіяхъ, требова-

піяхъ и договорахъ, или по готовности смягчать свои строгія права въ отношеніи къ другимъ; частію по *услужливости*, или готовности безкорыстно помогать другимъ въ ихъ справедливыхъ желаніяхъ и нуждѣ. Къ тому и другому обязываемся мы собственнымъ требованіемъ, чтобы другіе къ намъ были также добры въ подобныхъ случаяхъ; воспоминаніемъ о добромъ расположеніи, которое другіе намъ оказывали, и любовію, которая всегда переноситъ и облегчаетъ чуждое бремя. Нѣкоторые такъ далеко простерли объ сіи обязанности въ отношеніи къ ссудѣ имущества, что отвергли всякаго рода росты, и того, кто бралъ ихъ, осуждали какъ лихоимца. По правиламъ нравственности заимодавецъ почитается лихоимцемъ только тогда, когда за употребленіе своего капитала беретъ ростъ, несообразный съ обстоятельствами и котораго обремененный должникъ не можетъ заплатить. Опредѣленіе справедливыхъ процентовъ

есть уже знакъ доброжелательства, а половинная, или цѣлая уступка ихъ есть даръ, который должно считать благодѣяніемъ.

Положительныя обязанности въ отношеніи къ собственности другихъ предписываютъ въ продажѣ и обмѣнѣ быть *снисходительными* и *услужливыми*. *Снисходительность* есть наклонность всегда оказывать другимъ бо́льшую милость и доброжелательство, нежели какъ предписываютъ строгіе законы Естественнаго Права. Снисходительность въ *сужденіяхъ* бываетъ тогда, когда смотримъ на ошибки другаго въ словахъ и поступкахъ, не по строгости законовъ и стараемся уменьшить ихъ заблужденія. Есть еще снисходительность въ привязаніяхъ на заслуженную честь и уваженіе, называемая скромностію. Выше этой добродѣтели стоитъ *услужливость*, или готовность по возможности помогать другимъ въ ихъ нуждахъ и потребностяхъ. Мы дѣлаемся услужливыми, когда ссужаемъ другимъ нашу собственность, содѣйствуемъ имъ въ исполненіи ихъ обязанности, заботимся объ исполненіи ихъ порученій, удовлетворяемъ ихъ желаніямъ и помогаемъ имъ совѣтами и самымъ дѣломъ. Должно замѣтить, что поступки такого рода тогда будутъ добрыми, когда

1) Они относятся къ желаніямъ и нуждамъ

другаго, *позволяемымъ* и *одобряемымъ нравственностію.* Ибо помогать другимъ, когда они не имѣютъ нужды въ нашей помощи, или когда предпріятія ихъ безразсудны и противны нравственности, значило бы принимать преступное участіе въ ихъ заблужденіи. Также истинная услужливость не должна

2) Противорѣчить никакой *опредѣленной* обязанности. Я не рѣшусь отнимать необходимой части имѣнія у моихъ домашнихъ, чтобъ отдать ее какому нибудь незнакомцу, и не сдѣлаю упущенія по моей должности для того, чтобъ исполнить порученія моего пріятеля.

3) Она не должна переходить въ *навязчивость*, чтобъ мы не сдѣлались другимъ въ тягость и не наскучили имъ излишнимъ принужденіемъ на довѣренность въ томъ, на что мы не имѣемъ права, — принужденіямъ, подвергающимъ насъ часто презрѣнію. Малыя и большія услуги дѣлаются важнѣе, когда онѣ будутъ соединены съ чувствомъ приличія и вѣжливости. Потому услужливость также должна

4) Быть *чистою* и *безкорыстною*, чтобъ она не сдѣлалась низкимъ обмѣномъ даянія и принятія, какъ у мѣновщиковъ, и не потеряла бы всей цѣны доброжелательства. Также оказывать съ охотою услугу и помогать въ трудныхъ обстоятельствахъ незнакомымъ, бѣднымъ и людямъ низкаго состоянія есть наша обязанность и слава предъ Богомъ.

При такихъ условіяхъ обѣ сіи добродѣтели

достойны величайшей похвалы. Мы обязаны быть снисходительными, a) потому что самъ Богъ требованія своего правосудія смягчаетъ милосердіемъ своимъ въ отношеніи къ намъ; b) жизнь человѣческая потеряла бы всю свою прелесть, когда бы каждый поступалъ съ нами по всей строгости законовъ; c) мы сами желаемъ, чтобы другіе поступали съ нами кротко и снисходительно и d) таковые поступки всегда вознаграждаются похвалою, уваженіемъ и любовію. Сколь же несомнѣнно мы должны быть *услужливыми;* a) ибо къ этому обязываютъ насъ всѣ потребности общественной жизни; b) мы сами, вступая въ міръ, необходимо требуемъ чужой помощи; c) эту помощь мы часто уже получали и впередъ должны будемъ къ ней прибѣгнуть, и d) наконецъ добровольныя услуги и несеніе бремени другихъ въ этой жизни составляютъ одну изъ прекраснѣйшихъ добродѣтелей.

До начала XVII столѣтія древніе нравоучители слишкомъ далеко распространяли понятіе снисхожденія, при рѣшеніи вопроса: позволительно ли брать *проценты* (centesimae) съ денегъ отдаваемыхъ въ заемъ? Весьма многіе съ величайшимъ рвеніемъ и строгостію защищали пропитное. Но основанія, на которыхъ они утверждали свое мнѣніе, важны только для того, кто привыкъ предпочитать буквально понимаемые древніе законы и обычаи вѣр-

ному взгляду на природу вещей и на нравственныя цѣли поступковъ.

1) Равно справедливо и позволительно получать росты съ денегъ, какъ и доходъ съ имѣній. Никто не позволитъ другому пользоваться своимъ полемъ, или дачею, безъ всякаго за то вознагражденія; равно и должникъ не можетъ имѣть права пріобрѣтать какія либо выгоды чужимъ капиталомъ, не обязываясь вознаградить владѣльца за употребленіе его капитала.

2) Росты сверхъ того составляютъ *справедливую награду* за страхъ, или возможность (рискъ) потерять въ пользу должника свою собственность. Если бы заимодавцу отказывали въ требованіи соразмѣрной прибыли; то онъ никогда не далъ бы капитала въ ссуду: тогда денежный оборотъ былъ бы сжатъ въ тѣсныхъ предѣлахъ, и общественная дѣятельность лишилась бы сильнѣйшаго побужденія и дѣйствительныхъ средствъ къ труду и произведенію.

3) Издавна уже гражданскій законъ призналъ неумѣстною строгость непросвѣщенныхъ моралистовъ и на самомъ дѣлѣ показалъ, что она есть плодъ погрѣшительной совѣсти. Римское Право (Digest. XXII, 1), еще при Императорахъ (Cod. IV, 32 Nouvell. CLX) опредѣлило заимодавцу брать съ купцовъ ежемѣсячно одинъ на сто, или въ годъ 12-ть процентовъ, съ друзей при, а со всякаго другаго 6 процентовъ.

Въ наше время никто изъ умныхъ людей не сомнѣвается, что безусловное запрещеніе роста основано на ложныхъ догматическихъ началахъ.

Но такъ какъ положительные законы могутъ установить только гражданскія, а не нравственныя обязанности, и такъ какъ ихъ опредѣленія, смотря по обстоятельствамъ, въ различныхъ случаяхъ могутъ быть несогласны между собою: то въ Нравоученіи нужно рѣшить, какъ должно смотрѣть на этотъ предметъ по закону нравственности. По свойству предмета, рѣшеніе вопроса должно быть относительное. *Ростъ*, платимый должникомъ заимодавцу, есть вознагражденіе сего послѣдняго за уступку прибыли, которую онъ могъ бы получить съ своего капитала. Если капиталистъ, для возвышенія своего кредита, или для исполненія выгоднаго предпріятія, беретъ извѣстную сумму у другаго, который и самъ бы могъ пріобрѣсть такую же прибыль; то по всей справедливости онъ долженъ вознаградить его за это. Не смотря на отношеніе ссуды къ существующимъ законамъ страны, должникъ обязанъ принимать за доказательство доброжелательности и какъ услугу ту уступку, которую дѣлаетъ ему заимодавецъ. Напротивъ *лихва* есть требованіе со стороны заимодавца такихъ ростовъ, которые превышаютъ позволенную прибыль съ заемнаго капитала. Грабительство заимодавцевъ, увеличивающихъ свои безчеловѣчныя требованія, обыкновенно, смотря

по нуждѣ должника, должно быть почитаемо наравнѣ съ грабежемъ и пропивно Богу и людямъ. Пониженіе, или совершенное прощеніе росповъ есть дѣло благотворительности.

Salmasius de usuris, de modo usurarum et de facnore trapesitico, Lugdun, 1638 f., назидателенъ не только въ антикварскомъ, но и въ практическомъ отношеніи.

§ 20.

О благотворительности и милостынѣ.

Услужливый человѣкъ есть другъ *благотворительности*, или милосердія къ бѣднымъ и страждущимъ, которымъ онъ для содержанія ихъ предлагаетъ добровольные дары, называемые въ тѣсномъ смыслѣ *милостынею*. Сія добродѣтель, разсматриваемая *сама по себѣ*, есть поступокъ происходящій отъ благотворительности вообще, а въ отношеніи къ обществу она есть долгъ справедливости. Ибо всякое общество обязано заботиться о всѣхъ бѣдныхъ членахъ. Источникомъ сей добродѣтели не должно быть только *состраданіе*, или честолюбіе, но уваженіе и любовь къ

человѣчеству и благодарность къ Богу, который далъ намъ средство помогать нашимъ страждущимъ собратіямъ. Въ *дѣлахъ* благотворительности должно обращать вниманіе на *состояніе своего имущества*, въ нѣкоторыхъ *особенныхъ случаяхъ* на поводъ къ благотворительности, на соблюденіе *постановленій*, способствующихъ къ достиженію *благотворительныхъ цѣлей* и на *личную свою щедрость*. Во всякомъ случаѣ благотворительность, хотя не возвышается до героической, святой добродѣтели, но будучи нерѣдко соединена съ пожертвованіями, достойна уваженія; и всякъ, кто имѣетъ даже умѣренное состояніе, обязанъ быть благотворительнымъ; ибо чрезъ это наши имущества особенно пріобрѣтаютъ свою истинную цѣну; удѣленіе ихъ другимъ радуетъ какъ ихъ, такъ и насъ самихъ; Самъ Богъ есть величайшій Благотворитель, и вѣрно вознаграждаетъ того, кто Ему уподобляется.

Третье мѣсто въ ряду разсматриваемыхъ нами добродѣтелей занимаетъ *благотворительность*, или доброхотное вспомоществованіе бѣднымъ и страждущимъ, которые, будучи угнѣтаемы или старостію, или болѣзнію, или какимъ либо несчастіемъ, при недостаткѣ или совершенной потерѣ своего имущества, требуютъ нашей помощи. Пособія, дѣлаемыя для таковой цѣли, раздѣляются на *дары*, или даянія, предлагаемыя преимущественно съ чувствомъ уваженія, и на *милостыни*, подаваемыя съ чувствомъ сострадація и *милосердія*. Эту добродѣтель съ одной стороны можно разсматривать, по свойству ея, какъ *обязанность любви*, которую мы должны исполнять въ отношеніи къ людямъ, не находящимся съ нами ни въ родственныхъ связяхъ, ни въ тѣсныхъ гражданскихъ отношеніяхъ; съ другой стороны она представляется *обязанностію права*, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторой степени, поколику мы должны доставлять необходимыя потребности жизни родственникамъ, либо старикамъ, изувѣченнымъ, престарѣлымъ служителямъ и бѣднымъ членамъ своего общества. Въ этомъ отношеніи всякій владѣющій собственностію по справедливости обязанъ подавать милостыню, возможную по его состоянію.

1) Право человѣка жить и нравственно образоваться въ назначенномъ для него кругѣ необходимо соединено съ *правомъ* получать *необходимое для потребностей жизни* — даже по-

гда, когда бы онъ не былъ въ состояніи пріобрѣсть онаго своимъ трудомъ.

2) Договоры касательно частной собственности должны имѣть силу подъ условіемъ, если они не опнимаютъ необходимыхъ потребностей у тѣхъ изъ нашихъ сочленовъ, которые не по своей винѣ сдѣлались бѣдными (Michaëlis Moral. B. II, S. 123, ff.).

Равнымъ образомъ имущество каждаго члена въ обществѣ ограждено законами съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ дѣлалъ возможныя пособія для содержанія бѣдныхъ.

3) Если государство отказываетъ бѣднымъ въ этомъ попеченіи, какъ въ Китаѣ и Неаполѣ: то они, подобно лазарони, разбойникамъ и грабителямъ, будутъ возмущать общественную безопасность и вооружаться противъ общественнаго благосостоянія подъ предлогомъ крайней обороны, которой нельзя опровергнуть безусловно.

Смотря съ этой точки зрѣнія, нельзя не оправдать *принудительной милостыни*, или налоговъ въ пользу бѣдныхъ. Впрочемъ кажется благоразумнѣе было бы принуждать законами только жестокихъ и немилосердыхъ сограждан. Ибо никого въ государствѣ не должно лишать случая совершить дѣло благотворительности и любви къ человѣчеству. При томъ же добровольныя пожертвованія бываютъ значительнѣе, нежели сколько могутъ принести налоги. Христіанская Церковь издавна ока-

зывала столь великія услуги призрѣнію бѣдныхъ, что учители и представители ея, умѣющіе располагать щедротію своихъ сограждан посредствомъ внутреннихъ побужденій, могутъ быть только по слѣпому самолюбію и съ явнымъ вредомъ *для* добраго дѣла исключены изъ участія въ общественномъ попеченіи о бѣдныхъ.

Говоря объ источникахъ истинной благотворительности

1) Мы не можемъ умолчать о *состраданіи*, какъ возбужденіи сочувствія при видѣ бѣдности другаго. Но оно есть только первоначальное движеніе воли къ принятію участія въ пособіи другому; ибо оно зависитъ только отъ чувствительности и темперамента, препятствуетъ безпристрастному свѣдѣнію о достоинствахъ и нуждѣ бѣднаго, побуждаетъ лишь къ мгновенному оказанію милости, а не къ постоянному вспомоществованію бѣднымъ и производитъ въ душѣ одно легкое движеніе, не возбуждая братской любви.

2) *Честолюбивый* даятель милостыни *воспринимаетъ мзду свою*. Онъ пожинаетъ, что сѣялъ, т. е. *славу* отъ человѣчества. Онъ готовъ бы былъ раздавать удары, если бъ они могли доставить ему подобную славу.

3) По крайней мѣрѣ то милосердіе не будетъ *безкорыстнымъ*, которое мы будемъ оказывать только *для* того, чтобъ *одолжить* людей, или получить *мздовоздаяніе* отъ Бога.

4) Тогда только наше милосердіе получаетъ

нравственное достоинство, когда побужденіемъ къ нему бываетъ *уваженіе* къ страждущему собрату, *искреннее доброжелательство* и *благодарная* любовь къ Богу, общему нашему Отцу.

Способъ оказывать благотворительность въ жизни, или экономія благотворительности зависитъ отъ благоразумія каждаго, а не отъ науки объ обязанностяхъ. Впрочемъ здѣсь естественно требуется чтобы:

1) Мы прежде всего соображались съ *количествомъ* своего *имущества*. Кто самъ не имѣетъ собственности, или не удовлетворилъ своимъ домашнимъ потребностямъ; тотъ несправедливо поступитъ, если будетъ оказывать свою щедрость къ бѣднымъ на счетъ своихъ домашнихъ, или заимодавцевъ. Но изъ того, что имѣемъ уже, по естественному доброжелательству, мы должны удѣлять нѣкоторую часть бѣднымъ и неимущимъ, хотя бы это было соединено съ ограниченіемъ собственныхъ издержекъ. На сіе-то милосердіе исходитъ небесное благословеніе, которое спокойнаго наблюдателя побуждаетъ къ важнымъ размышленіямъ.

2) Нужно также смотрѣть на *время* и *обстоятельства*. Когда война, моръ, голодъ, суровость погоды, заразительныя болѣзни увеличиваютъ число страждущихъ; тогда обыкновенная любовь къ человѣчеству должна обратиться въ братскую, и всякой изъ послѣдняго долженъ съ доброжелательствомъ жертвовать для общаго блага.

3) При этомъ надобно добросовѣстно полагаться на тѣхъ, кои обязаны заниматься раздачею общественной милостыни. Стыдливые, бѣдные, униженные сограждане, бѣдныя семейства, слѣпые, глухонѣмые, подверженные припадкамъ, обманутые и обольщенные, юноши не получившіе никакого образованія, и другіе несчастные — достойны того, чтобъ благородные друзья человѣчества приняли особенное участіе въ попеченіи объ нихъ. Къ сожалѣнію, въ сихъ частныхъ учрежденіяхъ много происходитъ непристойнаго и безпорядочнаго отъ хапжества, чрезмѣрно многосторонняго дѣйствованія, отъ своекорыстія и честолюбія.

4) Потому благоразумнѣе будетъ въ этомъ дѣлѣ *предоставить многое благотворительности каждаго частнаго лица.* Пусть каждый самъ помогаетъ *бѣднымъ* и неимущимъ, *кои принадлежатъ къ семейному его кругу*, чтобы тѣмъ удобнѣе онъ могъ замѣчать успѣхи своей благотворительности и помогать несчастнымъ не только временнымъ подаяніемъ, но вмѣстѣ совѣтами, ободреніемъ и утѣшеніемъ.

Важнѣйшія основанія обязанности къ симъ поступкамъ представляются сами собою; ибо

1) Внѣшнія блага получаютъ свою цѣну единственно отъ мудраго и *человѣколюбиваго употребленія* оныхъ.

2) Благотворительность составляетъ *услаждающую добродѣтель*, которая пріобрѣтаетъ

намъ, не только любовь и честь отъ людей, но и благородное взаимное удовольствіе.

5) Самъ Богъ есть Премилосердое и Преблагое Существо, которому мы всѣмъ обязаны и которому уподобиться можемъ только посредствомъ надлежащаго употребленія и сообщенія его даровъ.

4) Въ его царствѣ не погибаетъ ни одно благодѣяніе, но вознаграждается щедро и милостиво.

T. L. Vives de subventione pauperum libri II ed. Basil. 1555. p. 890 ff. *Bahrdts* System der moralischen Religion. B. II. Riga, 1792. S. 127. ff. *Necker* de la charité, въ его Cours de la moralité réligieuse. Paris, 1800. t. I, p. 127 ff.

§ 21.

О высокомѣріи, грубости, злорѣчіи и клеветѣ.

Если хотимъ не оскорблять чести другаго, то мы должны удерживаться отъ *высокомѣрія*, или отъ презрѣнія и униженія другаго изъ суетнаго тщеславія; должны остерегаться *грубости*, или неуваженія къ другимъ въ тѣлодвиженіяхъ, словахъ и поступкахъ; *злорѣчія*, или страсти разславлять о чужихъ порокахъ и пре-

ступленіяхъ, и наконецъ *клеветы*, или тайнаго помраченія славы другаго. Всѣ сіи поступки *недостойны* человѣка: *высокомѣріе*, какъ суетное присвоеніе себѣ не надлежащаго, препятствуетъ истинному усовершенствованію и ведетъ къ различнымъ оскорбленіямъ; *грубость* есть плодъ слѣпаго эгоизма и сопровождается гибельнѣйшими раздорами; *злорѣчіе* показываетъ недостатокъ самопознанія и отсутствіе любви и порождаетъ жалкую вражду; а *клевета* есть плодъ лжи, трусости и ненависти къ людямъ и можетъ обитать только въ развращенномъ сердцѣ.

Безпрепятственное пользованіе своею собственностію не можетъ доставить человѣку счастія, какъ скоро *честь* его безпрестанно оскорбляется. Оскорбленіе же чести въ общественной жизни бываетъ многоразличнымъ образомъ. Первое посягательство на честь другихъ мы дѣлаемъ своимъ *высокомѣріемъ*, или наглымъ обнаруженіемъ своего превосходства, унижая и презирая другихъ. Она основывается 1) на *высокочувствіи* (μεγαλοψυχία), которое само по себѣ не только не предосудительно, но

составляетъ еще необходимую потребность благороднаго духа; поелику, не сознавая и не чувствуя въ себѣ нравственнаго достоинства дарованнаго намъ Богомъ, мы неможемъ процвѣсти ни какой добродѣтели. Но при семъ позволенномъ самочувствіи высокомѣрный не останавливается; онъ 2) *наглымъ* образомъ возвышается, т. е. по одной непреодолимой прихоти воли, руководствующейся въ семъ случаѣ не истиннымъ самоуваженіемъ, но пустою о себѣ *мечтательностію*. Съ гордостію всегда уже соединена мечтательность о себѣ, а съ нею начинается искаженіе благороднаго человѣческаго сердца; мечтающій о себѣ всегда выше надлежащаго цѣнитъ то, что имѣетъ. Если онъ слишкомъ высоко цѣнитъ свой наружный *видъ*, то его высокомѣріе рождаетъ *тщеславіе* и *спесь;* если онъ слишкомъ занятъ своимъ *происхожденіемъ*, то происходитъ *напыщенность;* если высоко цѣнитъ свой умъ и таланты, то въ немъ пробуждается *гордость авторская, художническая и ученая;* если преувеличиваетъ свою дѣйствительную заслугу, то въ немъ является *хвастовство, самохвальство*. Неминуемое слѣдствіе такой мечтательности есть 3) униженіе другихъ своими взглядами, словами и дѣлами. Отъ гордости одинъ только шагъ до *грубости*, или непристойнаго выраженія презрѣнія къ другимъ тѣлодвиженіями, словами и поступками. Нерѣдко однѣми минами и *тѣлодвиженіями* выражается гру-

бость оскорбительная (*). Впрочемъ съ давнихъ временъ представлялись случаи, въ которыхъ можно было замѣчать пролкую *грубость: невѣжественную, полуобразованную* и *образованную. Невѣжественная*, или *глупая* грубость есть плодъ привычки и худаго воспитанія; въ подобной грубости находящійся человѣкъ, хотя не

(*) Одна тонкая наблюдательница общественнаго приличія слѣдующимъ образомъ описала грубаго придворнаго (impertinent de la cour) предъ Французскою революціею: «Онъ отличается не живостію, а какимъ-то ко всему хладнокровіемъ. Въ немъ видишь совершенное спокойствіе беззаботнаго и въ то же время совершенно притворную разсѣянность презирающаго. Все въ немъ не нравится намъ; однако жъ нельзя указать, что именно въ немъ дурно. Онъ и презираетъ не просто грубо (avec brusquerie), а съ какою-то холодною учтивостію. Нѣтъ ничего оскорбительнаго въ его отвѣтахъ, разговорахъ или поступкахъ; но онъ оскорбляетъ васъ въ высочайшей степени своею безчувственностію, смѣхомъ, молчаніемъ и всѣмъ выраженіемъ своего лица. Онъ несносенъ; однако жъ ни въ чемъ нельзя на него пожаловаться.» (Mémoires de Mad. de *Genlis*. Paris, 1825, t. VIII. p. 3, sq.). Якобинскую и Санкюлотскую грубость въ *словахъ* и *поступкахъ* Французская революція распространила и въ прочихъ Европейскихъ государствахъ. «И теперь въ нѣкоторыхъ классахъ и въ особенности между молодыми людьми, говоритъ Гёте, видны слѣды революціонной невѣжливости, которую можетъ истребить одно только продолжительное нравственное образованіе. Вездѣ встрѣчаешь людей съ усами и очками, поставляющихъ честь въ томъ, чтобъ никому не кланяться, никакому проходящему не уступать дороги, безъ всякихъ церемоній занимать въ обществѣ ближайшее мѣсто, кричать, смѣяться во весь голосъ, во все вмѣшиваться и однимъ говорить. Нѣжныя чувствованія, составляющія не только прелесть, но отличительную черту и нравственное достоинство общественной жизни, начали исчезать, и наши современники угрожаютъ скорымъ переходомъ отъ испорченности къ варварству.» (*Göthés* Leben von Döring. Weimar, 1828. p. 294, sqq.)

знаетъ такихъ приличій, по крайней мѣрѣ можетъ имѣть доброе и честное сердце. Грубость *полуобразованныхъ* нарушаетъ уваженіе къ другимъ, если не положительно, то по крайней мѣрѣ отрицательно, отдавая другимъ полупочтеніе съ холодностію и небреженіемъ. Наконецъ *образованная* грубость умѣетъ облекать себя въ самое тонкое приличіе и при всемъ томъ выражать самое жестокое презрѣніе. Грубость легко ведетъ къ *злорѣчію*, или къ спрасти несправедливо и оскорбительнымъ образомъ упрекать другаго въ его недостаткахъ и проступкахъ. Презрѣнѣе всѣхъ сихъ поступковъ есть *клевета*, или тайное злословіе и подрывъ чужой чести.

Безнравственность и низость сихъ поступковъ видна изъ слѣдующихъ положеній:

1) *Гордость* помрачаетъ нравственный горизонтъ человѣка, препятствуетъ ему улучшаться и облагораживаться, ведетъ его къ недоброжелательству и несправедливости, и несовмѣстна съ смиреніемъ и благоговѣніемъ предъ Богомъ.

2) *Грубость* доказываетъ въ человѣкѣ недостатокъ образованнаго чувства и разсудка, грубый эгоизмъ, отсутствіе любви и презрѣніе нравственнаго достоинства какъ въ другихъ, такъ и въ самомъ себѣ.

3) *Злорѣчивость* есть признакъ слабаго, легко раздражающагося, не управляющаго самимъ собою, скоро оскорбляющагося и взаимно оскор-

блающаго сердца, которое неблагоразумными словами нерѣдко возбуждаетъ сильную вражду и доводитъ до обидной мести.

4) *Клевета* есть похищеніе чужой чести; она показываетъ тайное сознаніе собственнаго недостоинства, желающаго и другихъ унизить до такой же степени; она есть смѣшеніе прусости со лживостію, низостію, коварствомъ и враждолюбіемъ.

Von dem Einflusse der Religion auf die wahre Feinheit der Sitten, въ Богословскихъ урокахъ Аммона, преподаваемыхъ въ духѣ Іисуса Христа. Göttingen, 1806, B. II, p. 203 sq.

§ 22.

О скромности, учтивости и стараніи поддерживать честь другихъ.

Вышеизложеннымъ порокамъ ближайшимъ образомъ противополагается *скромность*, или уступчивость въ справедливыхъ требованіяхъ на заслуженную честь, — добродѣтель, умѣстное исполненіе которой не только пріятно и сообразно съ правилами благоразумія, но удерживаетъ въ предѣлахъ несправедливыя притязанія другихъ и возвышаетъ прелесть об-

щественной жизни. Рядомъ съ нею стоитъ *учтивость*, или непринужденное обнаруженіе уваженія и благосклонности къ другимъ во всѣхъ нашихъ сношеніяхъ съ ними; оно, по качеству лицъ, можетъ возвыситься отъ обыкновенной вѣжливости до почтительности. Выше обѣихъ сихъ добродѣтелей надобно поставить *стараніе поддерживать честь* другихъ, состоящее въ томъ, чтобы мы безъ нужды и безъ причины не разбирали чужихъ пороковъ и еще менѣе разглашали ихъ; но, проходя молчаніемъ проступки, защищали невинность, охотно отдавали честь и справедливость заслугъ и, быв принуждены порицать какой нибудь низкій поступокъ, всегда щадили личность проступившагося и готовы были извинить его. Все это мы должны дѣлать по *обязанности;* потому что истинная добродѣтель всегда *кротка* и не взыскательна; что *учтивость* тѣснѣе соединяетъ добрыхъ людей и тотъ, кто *дорожитъ честію другa-*

го, этимъ самымъ на дѣлѣ доказываетъ, что онъ самъ заслуживаетъ уваженіе другихъ.

Если нѣтъ никакого сомнѣнія, что внѣшняя честь составляетъ существенную часть человѣческаго благополучія: то само собою также ясно, что мы своею *скромностію* споспѣшествуемъ сему благополучію; поелику мы иногда, изъ нѣжнаго уваженія къ другому, умѣрдемъ и удерживаемъ въ границахъ справедливыя требованія на собственную нашу честь. Если ученикъ уступаетъ своему учителю, подчиненный начальнику, солдатъ своему предводителю; то здѣсь нѣтъ еще никакой кротости, но должное повиновеніе. Добродѣтель, о которой мы говоримъ, тогда только обнаруживается, когда кто нибудь, по своимъ талантамъ, уму, заслугамъ и государственной должности, имѣетъ полное право требовать себѣ уваженія и однако жъ не объявляетъ своихъ требованій, но скрываетъ ихъ для того, чтобы дать свободный ходъ стремленію другаго. Гордый воображаетъ себя только важнымъ, кроткій напротивъ сознаетъ свое достоинство; тотъ презираетъ даже всѣми признанную заслугу, а этотъ готовъ и непризнаннымъ еще заслугамъ отдать должную честь. Конечно наше кроткое поведеніе льститъ самолюбію другихъ и потому имъ нравится; но оно сообразно также и съ правилами благоразумія. Ибо если тотъ, съ

кѣмъ мы имѣемъ дѣло, дѣйствительно есть человѣкъ съ достоинствами; но мы уже постигли настоящій образъ обхожденія съ нимъ и слѣдственно не будемъ имѣть нужды въ извиненіи, которое всегда заключаетъ въ себѣ нѣчто унижающее. Если жъ мы и совершенно, или только частію ошиблись въ своемъ предположеніи; то скромное обращеніе наше по крайней мѣрѣ безмолвнымъ образомъ обяжетъ другаго къ подобной же безпристрастельности, безъ которой не можетъ быть ни людскости, ни дружескаго обращенія между людьми. Изъ сего очень вѣрнаго замѣчанія само собою открывается, что скромность нельзя назвать ни всеобщею обязанностію, ни безусловною добродѣтелью. Часто она есть только *притворство* и жеманство, принимающее на себя видъ смиренія и скрывающее внутри себя тонкую гордость. Часто она есть только *боязливость* и замѣшательство, которое не хочетъ обнаружить какой нибудь заслуги потому, что по робости не можетъ обнаружить ее. Часто она есть только хитрость *честолюбія*, которое за комплиментъ пребудетъ уваженія, или отказывается отъ простой чести, чтобъ получить двойную. Часто наконецъ она бываетъ *добродѣтелью неумѣстною*, когда ее обнаруживаютъ предъ людьми гордыми и надменными, съ которыми гораздо лучше обходиться съ надлежащимъ самочувствіемъ, нежели съ чрезмѣрною уступчивостію, умножающею ихъ на-

гласть. Въ каждомъ случаѣ скромность есть только *предуготовительная добродѣтель*, но есть необходимая до тѣхъ поръ, пока тѣснѣйшее знакомство не опредѣлитъ надлежащей мѣры уваженію, которое мы должны оказывать другому; послѣ чего она опять уступаетъ мѣсто самоуваженію, или превращается въ основанное почтеніе и уваженіе другаго. Въ тѣсной связи съ скромностію находится *учтивость*, или такое обращеніе, въ которомъ мы стараемся наблюдать внимательность и благорасположеніе къ другимъ. Такъ какъ учтивость преимущественно имѣетъ мѣсто въ высшемъ сословіи; то по видимому она болѣе относится къ церемоніямъ и этикету, нежели къ нравственности, и потому-то Квакеры исключили ее изъ числа добродѣтелей, какъ несовмѣстную съ точностію и откровенностію человѣка, любящаго истину. Въ самомъ дѣлѣ нельзя опровергать, чтобъ въ учтивости не было чего-то принужденнаго и напянутаго; ибо конечно не безъ причины друзья и супруги жалуются на холодность сердца, какъ скоро между ними существуетъ обращеніе только по правиламъ учтивости. Но если и ее, подобно скромности, причисляютъ только къ предварительнымъ и предуготовительнымъ добродѣтелямъ; то изъ сего еще никакъ не слѣдуетъ, что она не имѣетъ никакого нравственнаго достоинства. Гораздо лучше сказать, что вѣжливость въ обращеніи съ другими имѣетъ неоспоримо нрав-

ственную силу и значеніе; поелику она чрезъ условное, наружное соблюденіе уваженія и благосклонности къ другимъ, непримѣннымъ образомъ ведетъ къ дѣйствительному пріобрѣтенію сихъ совершенствъ, или по крайней мѣрѣ препятствуетъ обнаруживаться грубости и эгоизму. Слѣдовательно истинная вѣжливость состоитъ въ томъ, чтобъ мы 1) старались изъ обхожденія нашего съ другими совершенно *устранить* все *непріятное* и *противное* какъ для взоровъ и ощущеній ихъ, такъ и для ихъ образа мыслей и воспоминаній. Первому насъ учитъ подражаніе, моды и общепринятое приличіе; для достиженія втораго требуется размышленіе, тонкость ума и чувства. Къ сему должно присоединиться 2) приличное выраженіе *уваженія* къ другимъ движеніями, словами и поступками, — выраженіе свободное и естественное, но ни въ какомъ случаѣ не выходящее за предѣлы должной учтивости; однако жъ и не такое, которое бы своею чрезмѣрностію могло возбудить подозрѣніе либо въ ласкательствѣ и насмѣшкѣ, либо въ самозабвеніи. Истинно хорошій тонъ можетъ существовать только между образованными, добрыми и благородными людьми. Въ тѣсной связи съ вѣжливостію находится еще 3) *готовность услуживать* другимъ и, приличнымъ изъявленіемъ своего благорасположенія, снискивать ихъ *благосклонность*. Впрочемъ все это должно дѣлать безъ навязчивости и нахальства; чтобы

тѣмъ не стѣснить свободы другаго и не оскорбить въ немъ чувства чести. И при услужливости пребудется правильная мѣра и покость чувства, которая вездѣ соединяетъ благоразуміе и образованность съ благородною обходительностію. Первый знакъ учтивости составляютъ *привѣтствія*, которыми преимущественно заповѣдалъ Моисей встрѣчать высшихъ и старшихъ (3 Моис. XIX, 32).

Учтивость предугоповляетъ насъ къ гораздо важнѣйшей добродѣтели — *попеченію о чести ближняго*. Оно состоитъ въ томъ, чтобы мы 1) не только не находили никакого удовольствія *разбирать недостатки другихъ* и разглашать объ нихъ; но, помня собственную свою слабость, отвращались отъ нихъ, проходили ихъ молчаніемъ и предавали забвенію. Эта заботливость готова также 2) всегда *защищать невинность* отъ клеветы и злословія, отражать клеветниковъ, подавлять пустые и изъ злости разсѣваемые слухи и подрываемую заслугу поддержать въ ея уваженіи и достоинствѣ. 3) Другъ человѣчества, даже при справедливомъ порицаніи безправственныхъ поступковъ, всегда будетъ *отдѣлять преступленіе* отъ *лица преступившаго;* не упуститъ изъ вида обстоятельствъ, уменьшающихъ его виновность, и въ каждомъ случаѣ будетъ остерегаться отъ невыгодныхъ сужденій о цѣломъ характерѣ человѣка. Вмѣсто того онъ 4) охотно будетъ отдавать *честь* и *справедливость*

добродѣтелямъ и заслугамъ другаго; не будетъ чернить и уменьшать ихъ, или чувствовать себя обиженнымъ въ своихъ привязанiяхъ презъ ихъ блистательное обнаруженiе; но поставитъ себѣ за честь вспрѣчать каждаго достойнаго и благороднаго человѣка справедливою ободрительною похвалою.

1) Къ *скромности обязываетъ* насъ увѣренность, что наше несовершенство не позволяетъ намъ слишкомъ много надѣяться на самихъ себя; что всегда полезнѣе, благоразумнѣе и лучше отъ чего нибудь отказаться изъ своихъ правъ, нежели распространять далѣе надлежащаго требованiя ихъ, и что того охотно уважаютъ, кто въ своихъ привязанiяхъ непостоянъ и непоротливъ.

2) Къ *вѣжливости* побуждаетъ насъ представленiе, что и мы желаемъ, чтобы съ нами обходились другiе съ уваженiемъ и благосклонностiю; что всегда хорошо находиться между людьми истинно образованными и благонравными, а непрiятно быть между грубыми и невѣждами; что истинная учтивость не только прославляетъ фамилiю и цѣлые народы, но и ведетъ ихъ къ высшимъ добродѣтелямъ.

3) Чтобъ почувствовать необходимость *заботиться о чести* другихъ, стоитъ только вспомнить, что и мы имѣемъ нужду въ снисхожденiи нашихъ друзей; что разглашенiе чужаго поношенiя и стыда столько огорчаетъ и уязвляетъ, а не исправляетъ; и что мы иногда

только обнаруживаемъ истинную доброту сердца, когда поступаемъ съ ближними нашими справедливо и снисходительно.

Бутервека Göttingisches Museum. B. I, p. 145, sq., разсужденіе о скромности. *Лефлера* Predigten, Iena, 1797. Th. II, p. 65, sq. *Цолликофера* Gründe gegen die Eitelkeit, въ его проповѣдяхъ о достоинствѣ человѣка. Leipzig, 1784. B. II. p. 433 sq.

§ 23.

О зависти, враждолюбіи и страсти къ тяжбамъ.

Напослѣдокъ мы не должны также препятствовать другимъ въ тишинѣ *наслаждаться жизнію*. Мы уже мѣшаемъ имъ въ этомъ, какъ скоро обладаетъ нами *зависть*, или негодованіе на благополучіе другаго, рождающееся изъ опасенія, чтобы наше собственное благополучіе отъ того сколько нибудь не пострадало,— чувствованіе столько же низкое, какъ безразсудное и не имѣющее цѣли. Еще менѣе мы должны позволять себѣ *враждолюбіе*, или преслѣдованіе противника до тѣхъ поръ, доколѣ онъ не перестанетъ мѣшать нашимъ видамъ и планамъ; поели-

ку *ненавистію* не только любовь подавляется, но и семейственное спокойствіе и собственное благополучіе нарушаются и разстроиваются. Менѣе всего мы должны нарушать спокойствіе другихъ сворами, тяжбами, или склонностію не только отыскивать заблужденія другихъ, но и употреблять непремѣнно силу закона и насиліе для подтвержденія своихъ требованій. Сколь ни необходимо иногда бываетъ прибѣгать для защищенія своихъ правъ къ покровительству закона; но путь полюбовныхъ сдѣлокъ во всякомъ случаѣ предпочтительнѣе, и всегда первоначально къ нему надобно обращаться. Только слабый и малодушный могутъ *завидовать* другимъ; только жестокосердый и злой могутъ *ненавидѣть* и жаждать мести и удовлетворенія; только глупый можетъ желать *тяжбами вытребовать* то, что онъ можетъ гораздо вѣрнѣе и скорѣе получить безъ ссоры посредствомъ мировыхъ сдѣлокъ.

Послѣдній классъ обязанностей къ ближнему

начинается обязанностію не огорчать жизни другихъ. По отношенію ко внутреннему расположенію, мы безъ сомнѣнія огорчаемъ жизнь другихъ *завистію*, или досадою на ихъ благосостояніе, отъ котораго мы опасаемся понесть какой нибудь ущербъ въ нашемъ собственномъ. Гораздо далѣе простирается *недоброжелательность*, или просто досада на чужое счастіе, не соединенная съ симъ опасеніемъ. Всеобщее наблюденіе показываетъ, что ни мертвымъ, ни отдаленнымъ не завидуютъ; но вся досада, вся зависть тайно изливается на нашихъ ближнихъ и сослуживцевъ, которымъ счастіе болѣе благопріятствуетъ, нежели намъ. Потому-то зависть и называется плодомъ своекорыстнаго самолюбія, которое всего пріятнаго желаетъ только себѣ самому; слѣдствіемъ несправедливаго внутренняго расположенія, которое нисколько не уважаетъ достоинства другаго; доказательствомъ тайной непріязни, охотнѣе желающей разрушать и малое счастіе ближняго, нежели споспѣшествовать его возрастанію. Во всякомъ случаѣ она есть мучительный порокъ, не столько причиняющій вреда завидимому, сколько мученій самому завистнику, котораго заставляетъ прибѣгать къ самымъ глупымъ мѣрамъ, чтобъ достигнуть цѣли недоброжелательства и исторгнуть у другаго счастіе. Хотя нѣкоторые и предполагаютъ, будто предметомъ ихъ зависти было не столько внѣшнее счастіе друзей ихъ, сколько ихъ достоин-

сиво, добродѣтель, умъ и талантъ: однако жъ сомнительно, справедливо ли и чистосердечно ли ихъ признаніе; поелику соревновать другимъ въ духовныхъ и нравственныхъ достоинствахъ совершенно отъ насъ зависитъ; а завистливый, кажется, просто желаетъ достигнуть крайнимъ лишемъ того счастія, которое къ неудовольствію своему видитъ въ рукахъ другихъ. Отъ зависти близокъ переходъ къ *вражде,* или жестокому гоненію своего врага до совершеннаго его уничиженія и укрощенія. Иногда человѣкъ можетъ быть намъ непріятенъ и противенъ, не возбуждая между нимъ въ насъ къ себѣ ненависти. Но какъ скоро онъ касается нашего круга дѣйствованія, противорѣчитъ нашимъ сужденіямъ и спарается воспрепятствовать нашимъ желаніямъ, нашимъ планамъ и намѣреніямъ; то мы считаемъ себя обиженными, желаемъ защититься отъ наносимой намъ несправедливости, или опровергнуть ее; наконецъ почитаемъ себя въ правѣ воздать равнымъ за причиненное намъ оскорбленіе и готовы *мстить* своему непріятелю. Наклонность къ мести называется *мстительностію,* и такъ какъ эта страсть, ища себѣ удовлетворенія, не знаетъ никакихъ границъ; то она рѣдко ограничивается усмиреніемъ и обезоруженіемъ врага, а прекращается только послѣ совершенной его погибели. *Вражда* бываетъ *прямая, открытая* и *частная,* когда безъ всякихъ предварительныхъ извѣстій и безъ

всякихъ околичностей одинъ объявляетъ себя врагомъ другаго. Такова вражда людей вспыльчивыхъ, оканчивающаяся тотчасъ послѣ своего обнаруженія и нерѣдко, послѣ перваго примиренія враговъ, превращающаяся въ продолжительную дружбу. Такъ же вражда бываетъ *холодная* и *спокойная*, когда мы, въ обращеніи съ ненавидимымъ нами человѣкомъ, хотя не отказываемъ ему въ обычномъ почтеніи, но втайнѣ поспѣшно спараемся его низвергнуть и приготовить ему совершенную гибель. Есть еще вражда *вѣроломная*, когда подъ видомъ дружбы спараемся подорвать благоденствіе своего врага. Наконецъ есть вражда *смертельная*, когда мы въ продолженіе многихъ лѣтъ питаемъ ненависть къ своему непріятелю и не престаемъ преслѣдовать его дотолѣ, пока совершенно не разстроимъ и не уничтожимъ его счастія; такова была вражда Антонія противъ Цицерона. Въ тѣсной связи съ враждою находится *страсть къ спорамъ*, какъ при разговорахъ, такъ въ сочиненіяхъ и гражданскихъ тяжбахъ. Въ первомъ случаѣ она состоитъ въ излишней живости и настойчивости, съ каковою спараемся противопоставить свое мнѣніе мнѣнію другаго и защитить его, не щадя даже личности своего соперника. У эгоистовъ, которые, при своемъ одностороннемъ и ограниченномъ образованіи, думаютъ, что ихъ мнѣніе всегда справедливо, часто споръ за мнѣніе превращается сперва въ легкую брань, потомъ въ явное ругательство,

наконецъ въ жестокую вражду. *Страсть къ спорамъ въ сочиненіяхъ*, или искаженная полемика, принадлежитъ авторамъ, адвокатамъ, либеллистамъ и сочинителямъ пасквилей, которые, споря за мнѣнія и мысли, простираются на самую личность своихъ враговъ, оскорбляя ихъ, позоря и лишая совершенно чести. Наконецъ *страсть къ тяжбамъ*, или страсть *судиться*, есть господствующая наклонность заводить судебные споры, или стараніе доказывать законность мнѣнія, или права, приговоромъ суда. Не должно удивляться, что нѣкоторые изъ древнихъ Христіанскихъ нравоучителей почитали эту страсть до такой степени ненавистною, что отвергали позволительность для Христіанина всѣхъ тяжбъ безъ разбора, почитая ихъ совершенно несовмѣстными съ Христіанскою любовію. Они основывались частію на нѣкоторыхъ мѣстахъ Св. Писанія, полагая, будто ими запрещено искать защиты у гражданскаго закона; частію на томъ опытѣ, что нерѣдко скорѣе и болѣе можно получить выгоды отъ вреднаго мира, нежели отъ законнаго удовлетворенія въ судѣ; частію на томъ, что съ судебными тяжбами почти всегда неразрывно соединено взаимное ожесточеніе тяжущихся. Но всѣ сіи причины ничего не доказываютъ. Законодавцу позволительно искать своего права; ибо иначе собственность оставалась бы безъ законной защиты въ гражданскихъ обществахъ и слѣдственно обратилась бы въ пустое сло-

во: но ему предписывается снисхожденіе къ должнику. Разумъ говоритъ каждому, что должно пользоваться своими правами и защищать свою жизнь, честь и собственность, и самая власть поставлена Богомъ для того, чтобы чинить судъ и расправу, для обузданія страстей человѣческихъ и для предовращенія всякаго насилія; иначе, при сильномъ распространеніи страстей, дерзость и обиды, оставшіяся безъ наказанія, усиливали бы только несправедливость и побуждали бы людей еще къ большему своеволію. Поддавшись съ робостію первой обидѣ, можно подать поводъ къ нанесенію себѣ другой (veterem ferendo injuriam, invitas novam. Publius apud Gellium. N. t. I. XVII, c. 14). Для Квакеровъ, Меннонитовъ и другихъ сектъ, не знающихъ того, что человѣкъ, по назначенію природы, долженъ жить въ гражданскомъ обществѣ, дабы получить въ немъ нравственное и религіозное образованіе, и избравшихъ, вмѣсто гражданской, нѣкотораго рода отшельническую жизнь, легко отказаться отъ всѣхъ споровъ и тяжбъ судебныхъ и запрещать ихъ другимъ: но этого правила, при всей его благовидности и благородствѣ происхожденія, нельзя безусловно примѣнить къ гражданской жизни; потому что гражданскія общества не могутъ существовать безъ поддержанія ихъ силою; поддерживаніе же законовъ силою было бы безнравственно, если бы прибѣжище къ нимъ запрещалось нравственностію. И такъ

нравоученіе не можетъ безусловно отвергнуть рѣшенія споровъ судебными приговорами и правомъ. Само собою разумѣется, что честный человѣкъ не прибѣгнетъ къ вынудительнымъ мѣрамъ подобнаго рода, не употребивъ напередъ всѣ другія, кроткія средства для достиженія своей законной цѣли, и этого требуетъ отъ насъ нравоученіе. См. Melanchtonis app. Basil. edit. t. I. an liceat Christianis litigare?

Очевидно, что всѣ вышеисчисленные пороки совершенно противны нравственности; ибо

1) *Зависть* есть доказательство самолюбія, робости, недѣятельности, недостатка любви и справедливости. Другъ человѣчества не завидуетъ ни чьему счастію и не основываетъ своего собственнаго на недоброжелательствѣ къ ближнему, но ищетъ его въ своихъ собственныхъ заслугахъ, въ своемъ собственномъ достоинствѣ.

2) *Вражда* частію основывается на ложныхъ представленіяхъ объ оскорбленіи и несправедливости, частію переходитъ границы, позволяя себѣ самоуправство и мщеніе; во всякомъ случаѣ она несовмѣстна съ любовію къ ближнему.

3) *Страсть къ спорамъ* есть слѣдствіе грубаго эгоизма, умножаетъ число нашихъ противниковъ и враговъ, дѣлаетъ человѣка презрѣннымъ, отравляетъ наслажденіе жизнію и лишаетъ душу внутренняго мира.

Пруденцій: Psychomachia v. 670 ff. pugna concordiae et discordiae. *Неккеръ* de l'envie; cours de la morale réligieuse. Paris, 1800, t. II, p. 229. S. Van der Rechts begierde, pred. zur Beförderung eines moralischeu Christénthums. B. III.

§ 24.

Объ общежительности, любви къ врагамъ и примиримости.

Напротивъ весьма много содѣйствуетъ къ увеличенію счастія другихъ *общежительность*, какъ такой образъ дѣйствованія, по которому мы стараемся быть въ мирѣ со всѣми, укрощая и умѣряя раздраженную чувствительность. Но еще выше самой общежительности въ ряду добродѣтелей стоитъ *любовь къ врагамъ*. Эта добродѣтель, по своему свойству, не состоитъ ни въ безчувственности къ причиненному намъ оскорбленію, ни въ равнодушіи къ оказанной несправедливости, ни въ избѣганіи средствъ, нужныхъ для защищенія, и еще менѣе въ

искреннихъ связяхъ со врагомъ и въ дружбѣ съ нимъ. Она состоитъ въ уваженіи нравственнаго достоинства человѣческой природы, оказываемомъ съ благороднымъ самоотверженіемъ; въ желаніи, истиннымъ ко врагу расположеніемъ, снова снискать себѣ его любовь. При любви къ врагамъ уже напередъ предполагается *примиримость*, или готовность забыть претерпѣнную обиду. Къ *общежительности* обязывается каждый, потому что на ней основывается согласіе человѣка съ самимъ собою, уваженіе къ другимъ, любовь къ ближнимъ, благодѣяніе какъ каждаго человѣка въ отдѣльности, такъ и цѣлыхъ фамилій и цѣлаго гражданскаго и духовнаго общества. Къ *любви враговъ*, этой благороднѣйшей и преимущественно Христіанской добродѣтели, побуждаютъ насъ самая возвышенность добродѣтели и благодѣтельныя ея послѣдствія для людей вообще. Въ примиримости, какъ въ первой степени любви враговъ, обнаруживается такое нравственное вели-

чіе, по которому мы становимся выше оскорбленій и обидъ, дѣлаемся внимательными болѣе къ самому обидчику, нежели къ нанесенному намъ отъ него оскорбленію, и въ благодарномъ благоговѣніи, стараемся уподобиться Богу, съ любовію прощающему грѣшниковъ.

Прямо и дѣятельно мы споспѣшествуемъ общему благоденствію, если мы *способны быть въ мирѣ съ другими* и готовы, для сохраненія согласія, забыть о шѣхъ къ намъ несправедливостяхъ, которыя послужили къ его нарушенію. Но *примиримость* не состоитъ а) въ совершенной нечувствительности къ обидамъ, предполагающей равнодушіе къ чести и позору, свойственное однимъ только развратнымъ людямъ; b) она состоитъ въ умѣреніи *чувствительности*, *раздраженной несправедливостію* другихъ, то есть въ томъ, что мы не стараемся вознаградить за обиду равнымъ, или отклоняемъ ее отъ себя терпѣливо и съ великодушіемъ, и с) не по *страху*, но по желанію *сохранить миръ* и доброе согласіе, дабы другой имѣлъ время усмотрѣть свою ошибку, раскаяться въ ней и исправить ее. Очевидно, что примиримость весьма много имѣетъ общаго съ *кротостію* и что для упражненія въ ней нужно напередъ научиться молчанію и нѣсколько

разъ перенести оскорбленіе. Въ древней Христіанской церкви высоко цѣнили сію добродѣтель; даже гражданскіе законы обязывали самыхъ Епископовъ быть примирителями въ ихъ пастваxъ и истреблять несогласія въ фамиліяхъ при самомъ ихъ началѣ, — обязанность сколько полезная, столько же и трудная, какъ на то жалуется Августинъ (de opere monachorum c. 57). Но достоинство и назначеніе человѣка, особливо положительное Христіанское нравоученіе требуютъ еще большаго самоотверженія въ *любви къ врагамъ*, заставляя насъ преодолѣвать чувство претерпѣнной обиды и стараться привлечь къ себѣ любовь врага, оказывая ему прямое доброжелательство. Сущность этой добродѣтели была извѣстна какъ въ Ветхомъ Завѣтѣ (Притч. XXV, 21), такъ и между языческими мудрецами. (Valerius Maximus l. IV. c. 1). — Сенека учитъ опредѣленно, говоря, что каждый долженъ смотрѣть на врага, какъ на заблуждающаго, и стараться исправить его, а не ненавидѣть (de ira I, 14). «Если тебя презираетъ врагъ, пишетъ Антонинъ; то бодрствуй надъ собою и остерегайся, чтобъ не сдѣлать чего либо достойнаго презрѣнія. Если онъ тебя ненавидитъ, то онъ виноватъ; я хочу быть къ каждому расположенъ и милостивъ» (de se ipso l. VII, § 26). Волле, при изданіи сего превосходнаго творенія, собралъ многія мѣста подобнаго содержанія (Antonini de se ipso ad se ipsum libri XII.

Lips. 1729, praef. p. 129 s.). То же сдѣлалъ прежде его Гроцій (de veritate Religionis Christianae, IV, 12); а послѣ него Вольфъ въ программѣ (Halle 1789), по примѣру своихъ предшественниковъ. См. Buddei introductio ad philosophiam Stoicorum и Meiners Gechichte der Ethik. Th. I. S. 195 f. Но нѣкоторые моралисты такъ преувеличили любовь къ врагамъ, или смотрятъ на нее такъ односторонне и недостаточно, что для точнаго опредѣленія этой добродѣтели нужно указать на ложные ея признаки, и потомъ показать ее въ истинномъ и чистомъ свѣтѣ. a) Для нея не нужно быть совершенно безчувственнымъ къ утѣсненіямъ другихъ; ибо безчувственность къ утѣсненіямъ противна нашей природѣ. Еще менѣе она можетъ состоять b) въ одобреніи подобныхъ утѣсненій, или въ одобреніи того, что достойно порицанія; ибо ненависть ко злу не только позволительна, но даже необходима, такъ что чѣмъ болѣе мы ненавидимъ зло, тѣмъ болѣе любимъ добро. c) Любовь къ врагамъ не состоитъ въ томъ, чтобъ мы *отказывали себѣ въ оборонѣ и защищеніи* самихъ себя отъ нападеній; ибо иначе мы нарушимъ обязанность справедливости по отношенію къ самимъ себѣ и внушимъ врагу презрѣніе къ себѣ; послѣ чего трудно будетъ возстановить съ нимъ миръ. d) Даже самое къ нему *расположеніе* послѣ претерпѣнной обиды превратится въ нерасположеніе, и сіе послѣднее будетъ только умѣряе-

мо и удерживаемо въ границахъ, но никогда не будетъ вовсе подавлено и исторгнуто изъ души. с) Впрочемъ само собою разумѣется, что *нельзя считать врага своимъ другомъ* и не должно съ нимъ обходиться со всею откровенностію; ибо дружба состоитъ въ искреннемъ соединеніи сердецъ и стремленіи къ одинаковымъ цѣлямъ; врагъ же, причиняя намъ обиды, отталкиваетъ насъ, такъ сказать, отъ себя и своими поступками нарушаетъ всякое согласіе. Должно сожалѣть о томъ, что многіе, односторонніе правоучители, предлагали такія требованія, какъ священныя обязанности, думая тѣмъ возвысить еще болѣе нравственность, и поучали такимъ образомъ любви къ врагамъ или лицемѣрной и презрѣнной, или совершенно слѣпой и безусловной, послѣ которой надлежало бы любить самыхъ ужасныхъ нравственныхъ злодѣевъ, даже самаго злаго духа, предметы, къ которымъ нѣтъ и не должно быть никакого влеченія, ни расположенія въ нашемъ сердцѣ. И такъ для любви къ врагамъ остаются слѣдующіе положительные признаки: 1) она состоитъ въ преобѣжденіи чувства неудовольствія, или въ укрощеніи чувствительности въ случаѣ нанесеннаго оскорбленія; послѣ чего само собою рождается отвращеніе ко взаимному оскорбленію и прекращеніе вражды. Превосходно говоритъ благородный Антонинъ: «Лучшая защита противъ врага — не уподобляться ему» (*ἄριστος τρόπος τοῦ ἀμύνεσθαι τὸ μὴ ἐξομοιοῦσθαι*).

2) Послѣ сего возможно пробудить и оживить въ себѣ *уваженіе къ личности врага*, къ его дарованіямъ, познаніямъ, добродѣтелямъ и заслугамъ, во всякомъ же случаѣ къ его назначенію и человѣческому достоинству. Нельзя ненавидѣть того, кого уважаешь. 3) Отклоняя мысль отъ происшедшаго раздора, можно *возстановить миръ* и доброе согласіе съ враждовавшимъ и не только погасить въ своемъ сердцѣ всякую къ нему злобу, но и 4) питать къ нему *истинное доброжелательство* и готовность оказать благодѣяніе, если этого потребуютъ обстоятельства. Само собою разумѣется, что благодѣянія бывшему врагу не должны быть а) *навязываемы;* b) не должны проистекать *изъ одной учтивости*, а еще болѣе c) не должны *служить* ему *упрекомъ* или *униженіемъ*. Правда каждое въ такомъ случаѣ благодѣяніе, по самому свойству, должно пробуждать во врагѣ стыдъ и можетъ обращаться къ его униженію; но это не должно быть цѣлію нашихъ благодѣяній. Напротивъ, поелику великодушіе въ томъ, что служишь его предметомъ, способно рождать иногда чувство униженія, а въ томъ, что его оказываешь — чувство гордости; потому, чтобы оно имѣло все достоинство добродѣтели, нравственность требуетъ очищать его отъ всего, что можетъ возбудить сіи чувства. Истинная любовь не должна имѣть другихъ видовъ, кромѣ искренняго возобновленія дружественныхъ связей. Въ сей добродѣтели уже

заключается и *примиримость*, или готовность забыть прежній раздоръ и заключить снова искреннее согласіе. Эта обязанность а) относится къ оскорбленному, или считающему себя оскорбленнымъ. Къ несчастію изъ опыта извѣстно, что обидчикъ не легко прощаетъ; по большей части онъ признаетъ себя болѣе обиженнымъ, нежели тотъ, кто потерпѣлъ отъ него оскорбленіе. Не смотря на то, онъ долженъ быть не только готовъ къ примиренію, но даже просить прощенія и за тяжкія оскорбленія сдѣлать нужное удовлетвореніе. Примиримость съ его стороны должна быть *дѣйствительная*, а со стороны обиженнаго только *страдательная*. Если обидчикъ проникнутъ симъ чувствомъ; то онъ будетъ готовъ возобновить миръ и прекратить раздоръ, какъ состояніе несогласнаго и лишающее счастія человѣка, и прекратить его с) не только *внѣшнимъ образомъ*, но внутренно, *отъ всего сердца*, безъ злопамятованія; то есть не только простить своего врага, но забыть обиду и исторгнуть изъ сердца самый корень ненависти. Въ этомъ случаѣ весьма много значитъ услуга посредствующихъ друзей. Во многихъ случаяхъ обѣ враждующія стороны бываютъ почти одинаково обижены и никоторая изъ нихъ по гордости не хочетъ напередъ просить о примиреніи; только случай, или рука благоразумнаго друга могутъ разрушить преграду, раздѣляющую враждующихъ, и сбли-

зить ихъ сердца. Послѣ этого самое воспоминаніе о враждѣ должно быть уничтожено и изглажено изъ души, дабы, какъ говоритъ Сенека, по залеченіи раны не осшавалось и слѣда оной, и чтобы при первомъ случаѣ не открылась снова прежняя непріязнь.

1) Къ *общежительности* обязываютъ насъ а) желаніе быть *въ согласіи съ самими собою*, потому что для сохраненія этого согласія необходимо питать доброжелательство къ другимъ и обнаруживать это чувство къ нимъ словами и дѣломъ; b) *надежда* на то, что и съ нами, въ подобныхъ случаяхъ, *поступлено будетъ съ любовію и снисхожденіемъ;* c) мысль, что отъ этого зависитъ согласіе и счастіе цѣлыхъ фамилій, и что намъ, гдѣ повсюду видны партіи непрочно благосостояніе государства.

2) *Любить враговъ* обязываетъ насъ а) *достоинство человѣка*, заслуживающее *уваженіе* и въ самомъ врагѣ; b) внутреннее *спокойствіе* возможно только тогда, когда мы побѣждаемъ чувство ненависти, которымъ сами себя наказываемъ.

3) Наконецъ *примиримость* есть обязанность каждаго человѣка; ибо а) наше негодованіе должно быть обращено на *злое дѣло*, а не на самое лице врага; b) мы должны *господствовать надъ чувствительностію* и стараться о пріобрѣтеніи такой душевной силы, при которой бы ничто не могло насъ раздражать (Seneca, de constantia sapientis, c. 1—4); c) наконецъ эта до-

бродѣтель наболѣе уподобляетъ насъ Богу, снисходящему нашимъ погрѣшностямъ и промышляющему о насъ по одной Его безпредѣльной благости.

Réinhards christl. Moral. § 302. Der edle Sieg über unsere Feinde, in Schmalzens Epistelpreditgten. Leipzig. 1826. B. II. S. 45 f. Ohne Selbstüberwindung keine Liebe, in S. pred. über auserlesene Abschnitte der heil. Schritt. Leipzig, 1827. B. II. S. 130.

Конецъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Отдѣленіе I. Общія обязанности къ ближнимъ.

§ 1. О любви къ ближнему вообще 1
§ 2. Человѣколюбіе и человѣконенавидѣніе 11
§ 3. О гнѣвѣ 16
§ 4. Предохранительныя средства отъ гнѣва 25

Отдѣленіе II. Обязанности по отношенію къ жизни ближняго.

§ 5. Намѣренное убійство 32
§ 6. О поврежденіи здоровья ближнихъ, о преступности этого дѣйствія и предосторожности противъ онаго . 41
§ 7. Дѣятельное попеченіе о жизни другихъ 49

Отдѣленіе III. Обязанности относительно образованія другихъ.

§ 8. О лжи 53
§ 9. Различныя понятія о нравственности лжи 57
§ 10. Вынужденная ложь 61
§ 11. Благородная ложь 66
§ 12. Точнѣйшее ограниченіе правдивости 70
§ 13. Ложь въ собственномъ смыслѣ 81
§ 14. О сообщеніи истины 87
§ 15. О терпимости въ отношеніи къ различнымъ мнѣніямъ 96

Отдѣленіе IV. Обязанности пещись о благосостояніи ближнихъ.

§ 16. Уваженіе собственности, хищничество 103
§ 17. О воровствѣ, обманѣ и вѣроломствѣ 106
§ 18. О безнравственности сихъ поступковъ и о возвращеніи 111
§ 19. О снисходительности и услужливости. Ростъ и лихва 114
§ 20. О благотворительности и милостынѣ 121
§ 21. О высокомѣріи, грубости, злорѣчіи и клеветѣ . . . 128
§ 22. О скромности, учтивости и старавіи поддерживать честь другихъ 133
§ 23. О завистн, враждолюбіи и страсти къ тяжбамъ . . . 141
§ 24. Объ общежительности, любви ко врагамъ и примиримости 149

2007113169